VYSLUŽIVŠIJSJA OFICER", ILI VOJNA MONTROZA, ISTORIČESKIJ...

Walter Scott

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ,

ИЛИ

ВОЙНА МОНТРОЗА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Соч. Валтера Скотта,

Автора Шотландскихъ Пуританъ, Ровъ Роя, Эдимбургской темницы, и проч.

Переводъ съ Французскаго

Часть Вторая.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Кузнецова.
1824.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1822 года, Марта 16 дня. Сію рукопись въ четырехъ частяхъ разсматривалъ Адъюнктъ, Надворный Совѣтникъ

Михайло Мягковъ.

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ,

или

ВОЙНА МОНТРОЗА.

ГЛАВА VIII.

„ Le signal des combats vient de se faire entendre
„ Les chefs sont assemblés, Moray, Bonald, Albin,
„ Tous en habit guerrier, tous le sabre à la main."
L'avis de Lochiel.

Если бъ кто провелъ утро сіе въ замкѣ Дарнлинварахъ, тотъ увидѣлъ бы въ немъ

собраніе горныхъ начальниковъ, сколько заботливыхъ, столько же и храбрыхъ.

Они пріѣзжали по очередно, каждый съ подвластною ему свитою, которая, будучи болѣе или менѣе многочисленна, была однако же только обыкновенною свитою, сопровождавшею ихъ въ церемоніальныхъ случаяхъ и составлявшею ихъ тѣлохранителей. Сіи начальники привѣтствовали сначала господина замка, а потомъ другъ друга, или съ искреннею пріязнію, или съ надмѣнною гордостью, смотря по отношеніямъ, въ какихъ находились ихъ главные родоначальники, а также и по враждѣ, какая меж-

ду или существовала. Каждый изъ начальниковъ, какъ бы впрочемъ онъ ни маловаженъ былъ, требовалъ однако же отъ другихъ уваженія, должнаго Государю самодержавному и независимому; между тѣмъ какъ самые могущественные принуждены были политикою нѣсколько уступать требованіямъ тѣхъ, коихъ власть была ограниченнѣе, для того, чтобъ въ случаѣ нужды собрать подъ знамена свои самое большее ихъ число. Сей сонмъ начальниковъ весьма походилъ на древніе Сеймы Германской Имперіи, гдѣ какой - нибудь *Фрей - Графъ*, владѣвшій замкомъ, выстроеннымъ на безплодномъ уте-

ей и окруженнымъ нѣсколь-кими сотнями десятинъ земли, могъ требовать достоинства и почестей самодержавнаго Монарха и имѣлъ право возсѣдать среди первѣйшихъ вельможъ Имперіи.

Свита каждаго начальника помѣщена была столь хорошо, сколько обстоятельства и пространство мѣста позволяли. Но каждый изъ нихъ оставилъ при себѣ пажа, который слѣдовалъ за нимъ, подобно тѣни, будучи готовъ исполнять всѣ его приказанія.

Въ продолженіи сего времяни на дворѣ замка происходило весьма странное зрѣлище. Монтаньяры, при-

бывшіе съ острововъ, изъ долинъ и съ разныхъ горъ, смотрѣли другъ на друга издали—съ любопытствомъ, завистью и даже съ величайшею ненавистью. Но самую шумную часть сего собранія, по крайней мѣрѣ для ушей, къ тому не привыкшихъ, составляли игроки на волынкахъ, спорившіеся о талантахъ. Сіи военные менестрели, изъ коихъ каждый имѣлъ самое высокое мнѣніе о превосходствѣ своего поколѣнія и званія, играли сначала разныя пѣсни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились ихъ единоплеменники. Но наконецъ, подобно пѣтухамъ, одушевляемымъ жаромъ сраженія, которые

подбѣгаютъ одни къ другимъ,— услыша свое пѣніе,— наши музыканты, потрясая плащами своими и шапками, такъ какъ сіи птицы распускаютъ перья, —начали сходиться вмѣстѣ, — съ тѣмъ, чтобъ показать другъ другу опытъ своего искусства. Сошедшись же вмѣстѣ, и какъ бы взаимно другъ друга вызывая, каждый заигралъ изо всѣхъ силъ любимую пѣсню на своемъ инструментѣ, отъ чего воспослѣдовалъ такой несогласный концертъ, что если бъ какой нибудь Италіянскій музыкантъ былъ погребенъ за 10 миль отъ сего мѣста, то воскресъ бы изъ мертвыхъ и убѣжалъ на край

свѣта, куда звукъ сей адской музыки не могъ бы достигнуть.

Между тѣмъ всѣ начальники собрались въ большую залу замка, въ числѣ ихъ находились самые важнѣйшіе особы изъ страны Монтаньяровъ; одни привлечены будучи ревностію своею къ Королевской сторонѣ, но большее число ненавистью къ Маркизу Аржимо, который съ того времени какъ пользовался властію, полученною отъ правительства, хотѣлъ оказывать нѣкоторый родъ самодержавія надъ всѣми сосѣдними начальниками. Сей Государственный человѣкъ, будучи одаренъ великими талантами и поль-

зуясь неограниченнымъ могуществомъ, имѣлъ также недостатки, которые дѣлали его ненавистнымъ для другихъ Шотландскихъ начальниковъ. Набожность его имѣла отпечатокъ мрачности и фанатизма, а честолюбіе казалось ненасытимымъ. Низшіе его начальники обвиняли его въ томъ, что онъ не былъ ни щедръ, ни великодушенъ. Къ сему должно присовокупить то, что, происходя отъ фамиліи Монтаньяровъ, въ коей храбрость была наслѣдственною, и въ коей она съ давняго времени сохранялась, Макъ Каллюморъ— (такъ называли его въ сей странѣ, гдѣ титла его были неиз-

вѣстны), подозрѣваемъ былъ въ томъ, что онъ болѣе искусный политикъ, нежели храбрый воинъ. Онъ и поколѣніе его были ненавидимы Макъ Дональдами и Макъ Леанами, самыми сильными послѣ него поколѣніями, которыя, не взирая на то, что имѣли древнюю вражду между собою, соединились однако же вмѣстѣ, по ненависти къ Камнбелямъ, или сынамъ Діармида (такъ называлось поколѣніе, коего Маркизъ Аржилъ или Макъ Каллюморъ былъ главою).

Начальники, собравшіеся на конгрессъ, нѣсколько времени хранили молчаніе; ожидая, чтобъ кто-нибудь изъяснилъ причину, для коей

собрались. Но наконецъ видя, что никто не говорилъ ни слова, одинъ изъ почтеннѣйшихъ между ими открылъ сеймъ сими словами: „мы позваны сюда, Макъ Олай, съ тѣмъ, чтобъ имѣть разсужденіе о дѣлахъ, касающихся до Короля и до Правительства; и потому желаемъ знать, кто изъяснитъ намъ обстоятельства, о коихъ должно разсуждать?“

Такъ какъ краснорѣчіе не было изъ числа блестящихъ талантовъ Ангура Макъ Олая, то онъ просилъ Лорда Ментеита взять сіе на себя. Молодой Графъ охотно на это согласился и выразился съ благородною скромностью.

—„Я желалъ бы, милостивые государи," сказалъ онъ, чтобъ то, что я хочу изъяснить вамъ, было сказано особою, которая гораздо извѣстнѣе въ вашихъ кантонахъ, и которая пользовалась бы всеобщимъ почтеніемъ; но такъ какъ мнѣ поручена сія обязанность, то объявляю начальникамъ, здѣсь собравшимся, что тѣ изъ нихъ, которые желаютъ свергнуть постыдное иго, коимъ фанатизмъ старается обременить главы ихъ, не должны терять ни минуты. Пресбитеріане или круглоголовые, соединенные вокругъ своего Конвента, которые два раза вели войну съ законнымъ своимъ Монар-

хомъ и насильно исторгли у него всѣ справедливо и несправедливо слѣдующія имъ права, какія только имъ заблагоразсудилось требовать, видя начальниковъ своихъ осыпанными почестями и достоинствами, объявивши публично, когда Король — послѣ путешествія своего въ Шотландію — готовъ былъ обратно отправиться въ Англію, что онъ возвращается туда *щастливымъ Королемъ щастливаго народа*; не имѣя наконецъ никакой причины къ жалобамъ, и другаго предлога, кромѣ сомнѣній и подозрѣній, оскорблявшихъ Монарха, которыя не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей основа-

тельности,—послали въ Англію многочисленную армію на помощь взбунтовавшимся его подданнымъ, и приняли участіе въ ссорѣ — столько же чуждой для Шотландіи, какъ войны, производимыя въ Германіи. Довольно еще щастливо то, что ревность, съ какою сдѣланъ былъ сей измѣннической поступокъ, ослѣпила начальниковъ, во зло употребившихъ правительство нашего отечества на щетъ опасностей, коимъ оный подвергалъ ихъ. Армія, посланная ими въ Англію подъ начальствомъ престарѣлаго Графа Левена, составлена изъ старыхъ войскъ, набранныхъ во время двухъ послѣд-

нихъ войнъ, которыя составляли главнѣйшую силу Шотландской арміи...."

Въ сію минуту Капитанъ Далжетти всталъ съ своего мѣста, и прервавъ Графа, сказалъ, что и ему также извѣстно, что большое число ветерановъ, служившихъ во время войны въ Германіи, находилось въ арміи Левена. Но Алланъ, сидѣвшій возлѣ него, дернулъ его грубымъ образомъ за руку и заставилъ опять сѣсть; потомъ, приложивъ къ губамъ своимъ палецъ, не безъ труда далъ понять Далжеттію, что онъ долженъ хранить молчаніе. Капитанъ бросилъ на него презрительный и негодую-

щій взоръ, но сіе ни мало не возмутило важности Монтаньяра. Лордъ же Меншеитъ продолжалъ рѣчь свою такимъ образомъ:

—„И такъ, теперь наступила самая благопріятная минута. Добрые и вѣрные Шотландцы могутъ доказать теперь, что упреки, которые отечеству ихъ станутъ дѣлать, — падаютъ только на малое число бунтовщиковъ и измѣнниковъ, коихъ эгоизмъ и честолюбіе хотѣли воспользоваться фанатизмомъ, произшедшимъ отъ засѣданія пяти сотъ бѣснующихся и разлившимся по Шотландіи подобно быстрому источнику.“

,, Я получилъ письма отъ Маркиза Гунтлея изъ Сѣверной Шотландіи, и покажу ихъ каждому изъ васъ особенно. Сей благородный вельможа, столь же вѣрный, какъ и могущественный, рѣшился употребить всѣ средства къ тому, чтобъ сторона Короля возторжествовала. Графъ Скаффортъ готовъ сражаться подъ нашими же знаменами; а Лорды Ерлій и Огильвій сообщаютъ мнѣ подобныя же извѣстія; изъ Графства Ангурскаго, я не сомнѣваюсь въ томъ, что они скоро возмутъ оружіе вмѣстѣ съ Гаіями, Лейтами, Бюрнетами и другими вѣрноподданными дворянами, которые составятъ армію,

достаточную для обузданія Пресбитеріанъ на Сѣверѣ, коимъ они показали уже знаки своего мужества, обративъ ихъ въ бѣгство во время достопамятной битвы, извѣстной подъ именемъ Турифской скачки. Въ Южныхъ провинціяхъ Форша и Тая Король имѣетъ великое число друзей, кои, будучи недовольны податями, на нихъ возлагаемыми, проповѣдями, которыми ихъ мучатъ, и наборами войскъ, которыхъ отъ нихъ требуютъ, ожидаютъ только сигнала, чтобъ приняться за оружіе и укротить тиранство Парламента и Инквизиторскую дерзость Пресбитеріанскаго духовенства.

Дугласъ, Тракеръ, Роксбургъ и Гюмъ—дворяне, преданные Королевской сторонѣ—поколебляшъ на Югѣ кредишъ сообщниковъ Конвента, а двѣ особы, ошличныя по званію своему и происхожденію, присутствующіе въ семъ собраніи и нарочно прибывшіе сюда изъ Англіи, могушъ поручишься вамъ за вѣрность Графсшвъ Кумберланда, Весшморланда и Норшумберланда. Кого могушъ прошивупоставишь Пресбитеріяне усиліямъ дворянъ, столько же храбрыхъ, сколько и великодушныхъ?— Только малое число рекрушъ, ремесленниковъ и нѣсколькихъ крестьянъ—А изъ горныхъ начальниковъ кшо

держитъ сторону круглоголовыхъ? Только одинъ — столько же извѣстный — сколько и ненавистный.—Но есть ли на свѣтѣ хотя одинъ человѣкъ, который, окинувъ взоромъ залу сію, и познавши могущество, храбрость и вѣрность собравшихся здѣсь начальниковъ, усумнился бы въ томъ, что войска, коими можетъ располагать Макъ Каллюморъ, не будутъ скоро истреблены? Я долженъ также васъ предувѣдомить, что деньги и снаряды, необходимыя для образованія арміи, о которой идетъ дѣло—уже готовы, и что достойные Офицеры, пріобрѣтшіе въ чужестранныхъ

войнахъ совершенную опытность, изъ коихъ одинъ находится теперь предъ вами, взялись обучить военной дисциплинѣ новыхъ рекрутъ, которыхъ нужно будетъ набрать."

При сихъ словахъ Даллжетти всталъ, вытянулся, и окинувъ глазами все собраніе, казалось, хотѣлъ выразить положеніемъ своимъ и взорами: „посмотрите господа, это я!"

„Корпусъ вспомогательныхъ Ирландскихъ войскъ, продолжалъ Лордъ Ментеитъ, посланный изъ Ульстера Графомъ Антримомъ, успѣлъ уже сдѣлать высад-

ку, овладѣлъ замкомъ Мингарри съ помощію колѣна Макъ Рональда, — и не взирая на всѣ старанія Макъ Каллюмора, въ сію минуту идетъ въ Дарнлинварахъ. Теперь осталось мнѣ только лишь просить благородныхъ начальниковъ, внимавшихъ словамъ моимъ, чтобъ они позабыли о постороннихъ несогласіяхъ,—соединили силы свои для общаго блага,—подали Вассаламъ своимъ сигналъ къ сраженію — и собрали всѣ войска свои съ поспѣшностію, которая не оставила бы непріятелямъ нашимъ ни средствъ сдѣлать противъ насъ приготовленія, ни времени притти въ себя отъ страха, ка-

кой внушитъ имъ первый звукъ воинскихъ роговъ. Чтожъ до меня касается, хотя власть моя и имѣніе не позволяютъ мнѣ ставить себя на ряду съ первыми вельможами Шотландіи; однако же я чувствую, чѣмъ долженъ достоинству древняго и честнаго дому, — и посвящаю жизнь свою и имѣніе успѣху той стороны, за которую хочу сражаться. Пусть каждый то же сдѣлаетъ, и тогда мы заслужимъ благодарность Государя нашего и признательность потомства."

Нѣсколько разъ повторенныя рукоплесканія, послѣдовавшія за сею рѣчью, по-

казали Графу, что общее мнѣніе было согласно съ его мнѣніемъ. Однако же всѣ начальники молчали и посматривали другъ на друга съ видомъ, показывавшимъ, что еще важное обстоятельство оставалось не рѣшенымъ. Каждый перешептывался съ своимъ сосѣдомъ; но наконецъ одинъ изъ нихъ — почтенный сѣдовласый старецъ, хотя онъ былъ начальникъ только второй степени, всталъ и отвѣчалъ Лорду Ментеиту въ сихъ выраженьяхъ:

—„Графъ Ментеитъ," сказалъ онъ ему, „слова ваши справедливы, и между нами нѣтъ ни одного, въ сердцѣ котораго не горѣли бы сіи

чуства неугасаемымъ пламенемъ. Но не одна сила выигрываетъ сраженія, а разумъ полководца: онъ раждаетъ побѣду столько же, сколько и храбрость солдата. И такъ, кто подыметъ знамя, вокругъ коего вы приглашаете насъ собраться? Не уже ли думаютъ, что мы отважимъ жизнь дѣтей нашихъ, цвѣтъ нашихъ согражданъ, — не знавши, подъ чьимъ начальствомъ будутъ они сражаться? Это значило бы вести на бойню тѣхъ, которымъ божескіе и человѣческіе законы повелѣваютъ намъ покровительствовать. Гдѣ повелѣніе Короля, въ силу коего вѣрноподданные его воззываются къ

принятію оружія? Пусть называють насъ грубыми и не образованными; но мы знаемъ законы войны — такъ какъ и законы своего отечества — и потому не рѣшимся ни на какой поступокъ, могущій возмутить всеобщую тишину, безъ особенныхъ повелѣній Государя, и безъ начальника, который былъ бы достоинъ нами предводительствовать."

— „Вы найдете сего начальника," вскричалъ другой Монтаньяръ, „въ депутатѣ Лордовъ, владѣющихъ на островахъ, коего фамилія всегда имѣла право предводительствовать всѣми сое-

диненными нашими колѣнами. И кто имѣетъ большее право на сіе титло, какъ не Вихъ Алистеръ Моръ?"

— „Согласенъ," сказалъ другой начальникъ съ запальчивостью, „что депутатъ Лордовъ островитянъ имѣетъ право быть нашимъ начальникомъ; но Вихъ-Алистеръ Моръ, — никогда не былъ симъ депутатомъ: если жъ онъ требуетъ, чтобъ его признавали за него, то пусть прежде докажетъ мнѣ, что кровь его краснѣе моей."

—„Это весьма легко," отвѣчалъ Вихъ Алистеръ Моръ, обнажая свой клайморъ.

Лордъ Ментеитъ бросился между ими, и заклиналъ ихъ не забыть, что польза Шотландіи, свобода ихъ Отечества и защищеніе Короля должны быть предпочтены всѣмъ ихъ спорамъ о чинахъ и знатности. Многіе изъ начальниковъ, которые ни мало не заботились о томъ, чтобъ быть подъ предводительствомъ обѣихъ соперниковъ, присоединили къ нему свои усилія; но никто столь хорошо не выразился, какъ знаменитый Эванъ д'у.

—„Я прибылъ съ береговъ озеръ моихъ, сказалъ онъ подобно быстрому ручью, низвергающемуся съ горъ; —

онъ не возвращается къ своему источнику: — и я также не хочу ни шагу отступать назадъ. Мы не можемъ служить отечеству и Королю, занимаясь собственными нашими требованіями. Я подамъ голосъ за того Генерала, котораго Король наименуетъ, и который безъ сомнѣнія будетъ имѣть всѣ нужныя качества къ тому, чтобъ быть достойнымъ предводительствовать такими людьми—какъ мы. Онъ долженъ быть знатнаго происхожденія; а безъ того мы унизимъ себя, служа подъ его начальствомъ. Онъ долженъ быть благоразуменъ и опытенъ, а не то жизнь и спокойствіе на-

шихъ соотечественниковъ, будутъ въ опасности. Онъ долженъ быть храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ, чтобы заслужать нашу привязанность; и наконецъ онъ долженъ соединять твердость съ мудростію, чтобы сохранить между нами согласіе. Ментеитъ! можете ли вы сказать намъ, гдѣ мы найдемъ такого полководца?

— „Не надобно далеко искать его," вскричалъ Алланъ Макъ Олай: „онъ предъ глазами вашими! — Вотъ нашъ полководецъ," присовокупилъ онъ, положивъ руку на плечо Андерсона, стоявшаго позади Лорда Ментеита.

Удивленіе всего собранія выразилось глубокимъ безмолвіемъ; всѣ глаза обратились на Андерсона. Сей же послѣдній, сбросивъ съ себя широкій плащь, покрывавшій частію лице его, — приблизился къ первому ряду сидящихъ и сказалъ:

— „Я не намѣренъ былъ, милостивые государи! долго оставаться безмолвнымъ зрителемъ сей занимательной сцены; но пылкій другъ мой принуждаетъ меня открыться предъ вами нѣсколько ранѣе, нежели какъ я желалъ. Дѣла мои докажутъ, достоинъ ли я чести, возложенной на меня Монархомъ симъ порученіемъ.

Вотъ грамота за великою Государственною печатью, повелѣвающая Жамесу Граму, Графу Монтрозу — принять начальство надъ войсками, которыя долженствуютъ быть собраны въ Шотландія, для службы Его Величеству."

Единодушныя и продолжительныя рукоплесканія въ ту же минуту раздались во всей залѣ. И въ самомъ дѣлѣ Графъ Монтрозъ былъ единый человѣкъ, коему гордые сіи Монтаньяры могли согласиться повиноваться, тѣмъ болѣе, что врожденная и непримиримая ненависть его противъ Маркиза Аржиля была имъ

порукою въ томъ, что онъ съ ревностiю будетъ вести противъ него войну, а испытанное его мужество подавало имъ самыя лестныя надежды въ успѣхѣ.

ГЛАВА IX.

„Ce complot est, messieurs, je le dis en deux mots,
„Un complot éxcellent, le meilleur des complots."
Shakespeare.

Посвятивши нѣсколько минутъ шумной радости, всѣ умолкли, чтобъ слышать чтеніе Королевской грамоты. Начальники, доселѣ не снимавшіе картузовъ своихъ, осѣненныхъ перьями, вѣроятно потому, что никто изъ нихъ первый не хотѣлъ открыться, сняли ихъ всѣ вдругъ—изъ почтенія къ

Королевскимъ повелѣніямъ. Сія грамота написана была въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Она уполномочивала Жамеса Грагама, Графа Монтроза, воззвать къ оружію подданныхъ Короля Шотландіи, чтобы погасить огнь возмущенія, который измѣнники и бунтовщики возжгли въ семъ Королевствѣ, разорвавши миръ, заключенный между Англіею и Шотландіею и заслуживши чрезъ то наказаніе за свое преступленіе противъ должности. Она повелѣвала всѣмъ властямъ повиноваться Монтрозу и помогать ему въ его предпріятіи: давала ему право дѣлать прокламаціи, отда-

вать приказы, награждать, наказывать, прощать, отставлять отъ должностей и именовать Губернаторовъ и Комендантовъ; однимъ словомъ, она давала ему самую сильную власть, какую только Монархъ можетъ довѣрить своему подданному.

Лишь только чтенiе акта сего было кончано, какъ новыя восклицанiя изъявили единодушное одобренiе всѣхъ начальниковъ, и совершенную ихъ преданность Королевской волѣ.

Принявши сiи лестныя доказательства общаго удовольствiя, Монтрозъ поочередно говорилъ съ каждымъ изъ начальниковъ. Онъ зналъ

лично главныхъ изъ нихъ, но не пренебречь однако же обратиться и къ тѣмъ, которые были ихъ ниже — Познанія, показанныя имъ въ исторіи, выгодахъ и положеніи ихъ единоплеменныхъ поколѣній снискали ему благосклонность всѣхъ, и доказали, что онъ давно уже приготовился занимать мѣсто, на которое теперь былъ возведенъ, научившись познавать нравы и обычаи Монтаньяровъ.

Между тѣмъ какъ онъ исполнялъ сей долгъ учтивости, выразительныя черты лица его и благородная осанка являли удивительный контрастъ съ просто-

тою одежды, его покрывавшей. Монтрозъ имѣлъ одну изъ тѣхъ физіономій, въ которой сначала не льзя было замѣтить ничего чрезвычайнаго, но которая внушаетъ живѣйшее участіе, возрастающее по мѣрѣ того, какъ на нее смотрятъ. Онъ былъ средняго роста, но всѣ члены его весьма были соразмѣрны,— исполнены силы и способны къ перенесенію трудовъ. Монтрозъ имѣлъ желѣзное сложеніе, которое и въ самомъ дѣлѣ весьма нужно было для него въ сихъ кампаніяхъ, кои онъ началъ, исполняя всѣ обязанности простаго солдата. Онъ былъ искусенъ во всѣхъ военныхъ упражне-

ніяхъ, а также не менѣе—и въ мирныхъ талантахъ; обладая тою ловкостію въ обращеніи, которая, будучи однажды пріобрѣтена, всегда и во всякомъ положеніи жизни бываетъ примѣтна. Длинные черные его волосы, раздѣленные на двѣ части съ самаго темя, по обычаю знатныхъ Роялистовъ, разсыпались по плечамъ его въ природныхъ локонахъ, изъ коихъ одинъ, будучи на два или на три пальца длиннѣе другихъ, служилъ доказательствомъ, что онъ слѣдовалъ той модѣ, противъ которой благоугодно было Г. Принцу, одному Пуританскому Священнику, написать огромное сочиненіе.

Черты лица его были занимательны болѣе по выразительности, нежели по правильности; но орлиный носъ, быстрые, проницательные глаза и живой цвѣтъ лица вознаграждали недостатки, какіе замѣтны были въ другихъ частяхъ его тѣла, до такой степени, что впечатлѣніе, имъ производимое, было всегда въ его пользу. Надобно было видѣть его въ то время, когда вся душа его переходила, такъ сказать, въ сіи глаза, блиставшіе выразительностію и огнемъ генія; надобно было слышать его говорящаго съ тонкостію, искусствомъ и красчорѣчіемъ природы; — и тогда вы приняли бы да-

же и о наружномъ видѣ его мнѣніе благопріятнѣйшее, нежели какое имѣли люди, знавшіе его только по портретамъ. Таково-то было по крайней мѣрѣ дѣйствіе, произведенное имъ надъ начальниками Моншаньяровъ, которые, какъ и всѣ полуобразованные люди, весьма дорого цѣнили наружныя качества.

Въ послѣдовавшемъ разговорѣ Монтрозъ разсказалъ опасности, коимъ подвергался за предпріятіе, которое намѣревался исполнить. Сначала онъ надѣялся вступить въ Шотландію, предводительствуя корпусомъ Роялистовъ, набранныхъ въ Сѣверной Англіи по прика-

заніямъ Маркиза Невкастля; но Англичане никакъ не хотѣли идти за границу, и такимъ образомъ небольшая армія сія разсѣялась. Потомъ замедленіе высадки корпуса Ирландскихъ войскъ, Графа Антрима, причинило новыя препятствія: и такъ какъ многіе планы, имъ составленные, не удались, то онъ принужденъ былъ, переодѣвшись въ платьѣ слуги, пройти Нижнія земли, будучи вспомоществуемъ въ семъ предпріятіи другомъ и родственникомъ своимъ, Графомъ Ментеитомъ. Но какимъ образомъ Алланъ Макъ Олай узналъ его?—„Этого," говорилъ онъ, „никакъ не могу изъяснить!" Тѣ, кото-

рые почитали Аллана имѣвшимъ даръ предвидѣнія, улыбались съ таинственнымъ видомъ. Но Алланъ сдѣлалъ простое замѣчаніе, что не удивительно было Графу Монтрозу быть извѣстнымъ многимъ, которыхъ онъ самъ совсѣмъ не зналъ.

„Почести рыцарской, Милордъ," сказалъ Далжетти, нашедши наконецъ случай принять участіе въ разговорѣ; „я весьма горжусь тѣмъ щастіемъ, что могу служить подъ начальствомъ Вашего Превосходительства. Теперь истребляю въ себѣ всякое чувство ненависти, вражды и злобы противъ Аллана Макъ Олая; и то даже прощаю ему, что

онъ заставилъ меня вчера сѣсть на низшемъ мѣстѣ за столомъ. Чортъ возьми! онъ такъ хорошо сегодни говорилъ, такъ доказалъ, что находится въ полномъ умѣ, что я рѣшился не награждать его тѣми привиллегіями, какія слѣдуютъ глупцамъ. Но такъ какъ онъ хотѣлъ перемѣстить меня, изъ почтенія къ Графу Монтрозу, будущему моему Фельдмаршалу: то, признаюсь здѣсь предъ всѣмъ собраніемъ, что это предпочтеніе справедливо.—Привѣтствую Аллана отъ всего сердца, и желаю быть ему добрымъ *камрадомъ*.

Окончивъ слова сіи, которыя никто не думалъ слу-

шать, онъ схватилъ руку Аллана, и не снимая рыцарской своей перчатки, крѣпко пожалъ оную; сей же последній, чтобъ не остаться въ долгу учтивости, пожалъ его руку съ такою силою, какъ будто бы въ клещахъ кузнеца, такъ что даже желѣзо, покрывавшее перчатку, отъ того погнулось.

Капитанъ Далжетти безъ сомнѣнія почелъ бы новою обидою сей нелицемѣрный знакъ дружбы, еслибъ въ то время, какъ онъ, потряхивая руку, дулъ на нее, вниманіе его не привлечено было голосомъ Монтроза, обратившагося къ нему съ сими словами:

—„Капитанъ Далжетти,

что есть, Маіоръ Даллжетти, хотѣлъ я сказать. Я узналъ сію минуту, что Ирландцы, которые должны пользоваться уроками вашей опытности, находятся въ сіе время только за нѣсколько миль отсюда."

—„Охотники, которыхъ посылалъ я въ лѣсъ," сказалъ Ангуръ, „настрѣлять дичи для почтенной кампаніи, узнали тамъ, что видѣли многочисленную толпу чужеземцовъ, которые не говорятъ ни на нашемъ языкѣ, ни на Шотландскомъ. Они всѣ вооружены, и находятся — какъ сказываютъ — подъ предводительствомъ Аластера Макъ Дональда,

котораго обыкновенно называютъ молодымъ Колкиттомъ"

—„Безъ сомнѣнія это наше войско," сказалъ Монтрозъ; „поспѣшимъ послать къ нимъ на встрѣчу вѣстниковъ, которые могли бы служить имъ провожатыми, и доставить имъ то, въ чемъ они могутъ имѣть нужду."

—„Послѣднее не такъ-то легко сдѣлать," сказалъ Ангуръ; „ибо я слышалъ, что, кромѣ малаго числа ружей и военныхъ снарядовъ, они вовсе лишены всего нужнаго для арміи, — они не имѣютъ ни денегъ, ни обуви—и всѣ полунагіе."

—„Не надлежало бы такъ громко сего объявлять," ска-

залъ Монтрозъ: „но Пуритане Гласкова снабдятъ насъ превосходными сукнами, когда мы спустимся въ Нижнія земли. — Если Пуританскіе Священники могли убѣдить старыхъ женщинъ Шотландскихъ городовъ, отдать полотна свои на шатры для ихъ солдатъ: то, я надѣюсь, что и мое красноречіе можетъ заставить ихъ возобновить сей патріотическій даръ; а бездѣльниковъ, мужей ихъ, мы принудимъ открыть намъ свои кошельки.“

—„ Что касается до оружій,“ сказалъ Маіоръ Далжетти (какъ мы впредь будемъ называть его), „если Ваше Превосходительство

позволите старому солдату сказать свое мнѣніе, что весьма довольно и третьей части солдатъ имѣть ружья; любимое же мое оружіе, коимъ надобно будетъ снабдить другихъ, есть пика. Превосходное оружіе! Имъ можно выдержать не только атаку конницы, но даже проломить колонну пѣхоты. Всякой кузнецъ въ состояніи сдѣлать сто копій въ день, а для древокъ мы не будемъ имѣть недостатка въ лѣсѣ. Я ручаюсь, что хорошій баталіонъ копейщиковъ, вооруженный пиками по образцу Сѣвернаго Льва, безсмертнаго Густава, разобьетъ даже славную Македонскую фалангу, которой

подвиги я читывалъ въ то время, какъ былъ въ школѣ Марешаля, въ Аубердень. Сверхъ того я въ состояніи доказать..."

Разсужденіе Маіора было прервано въ сію минуту Аллапомъ Макъ Олаемъ, который, вышедши на короткое время, возвратился и вскричалъ: „молчите! сюда идетъ гость, коего присутствія мы не ожидали и не желали."

Едва произнесъ онъ слова сіи, какъ дверь отворилась, и вошелъ мущина высокаго роста, съ сѣдыми волосами, коего важная осанка и видъ, исполненный благородства, показывали привычку повелѣвать. Вошедши въ залу,

онъ бросилъ на собравшихся начальниковъ строгій, или лучше сказать, грозный вз ръ. Главнѣйшіе изъ нихъ возвратили ему оный съ холоднымъ презрѣніемъ; но легко было замѣтить, что нѣкоторые изъ низшихъ начальниковъ, а наиболѣе тѣ, коихъ владѣнія были въ сосѣдствѣ съ областями Маркиза Аржиля, желали бы не быть тутъ въ сію минуту.

—„Кто изъ васъ, государи мои, признанъ симъ собраніемъ за главнаго начальника, потому что съ нимъ долженъ я говорить? „Но, можетъ быть," присовокупилъ онъ съ видомъ, походившимъ на насмѣшку: „вы еще не согласились въ выбо-

рѣ особы, долженствующей занимать сей отличный, но вмѣстѣ и опасный постъ?"

—„Вы можете ко мнѣ обратиться, Сиръ Дунканъ," сказалъ Монтрозъ, приближаясь къ нему.

—„Къ вамъ?" спросилъ Сиръ Дунканъ съ презрительнымъ видомъ.

—„Ко мнѣ!" повторилъ Монтрозъ: „къ Графу Монтрозу, если только вы его не позабыли."

—„Признаюсь, съ трудомъ могъ бы узнать его въ одеждѣ слуги; однако же мнѣ должно бъ было сдѣлать это заключеніе, потому что одно только дурное вліяніе В. Превосходительства, признаннаго за нарушителя ми-

ра Израилева, могло соединить въ семъ замкѣ собраніе сихъ обманутыхъ и обольщенныхъ людей"

—„Я стану подражать въ отвѣтѣ своемъ, Сиръ Дунканъ, обычаю Пуританъ вашихъ; и скажу, что я нарушилъ не миръ Израилевъ, а только лишь спокойствіе вашего дома. Но оставимъ сей споръ, который касается только до насъ одяихъ. Скажите намъ, какія порученія сдѣланы вамъ отъ Аржиля, ибо безъ сомнѣнія вы отъ него посланы?"

—„Именемъ Маркиза Аржиля, Графъ Монтрозъ, и именемъ Шотландскаго Парламента, я спрашиваю: какія причины побудили васъ

здѣсь собраться? Если вы намѣрены возмутить спокойствіе отечества, то близкое сосѣдство и законы чести обязывали васъ увѣдомить и насъ также о вашихъ намѣреніяхъ?"

— „Не уже ли нѣсколько главныхъ начальниковъ Шотландскихъ горъ не могутъ собраться у общаго ихъ друга, не будучи подвержены инквизиторскому посѣщенію, или вопросу о причинѣ, по какой они собрались вмѣстѣ? Это что-то совершенно новое и необыкновенное въ Шотландіи, присовокупилъ онъ, обратясь къ начальникамъ; кажется, предки наши, привыкши собираться на ловлю звѣрей, или

для какой-нибудь другой причины, не спрашивали на то позволенія у великаго Макъ Каллюмора, и не обязаны были давать въ томъ отчета его лазутчикамъ или подчиненнымъ?"

—,,Въ Шотландіи было нѣкогда то время, о которомъ вы говорите," сказалъ одинъ изъ начальниковъ, коего земли граничили съ помѣстьями Маркиза Аржиля, ,,и опять наступитъ, когда похитители нашихъ древнихъ владѣній принуждены будутъ называться просто Лордами Лоханами, какъ назывались ихъ предки, и когда они не будутъ болѣе истреблять нивъ нашихъ и пожирать

оныя, подобно тучамъ саранчи"

—„Что я долженъ заключить," сказалъ Сиръ Дунканъ, „противъ одной ли фамиліи нашей, то есть, поколѣнія Кампбелей, дѣлаются сіи приготовленія, или мирные и спокойные жители Шотландіи должны вмѣстѣ съ нами претерпѣвать?"

—„Прежде, нежели Лордъ Андерсонъ кончитъ дерзкія свои поученія," вскричалъ съ бѣшенствомъ одинъ изъ начальниковъ, „я сдѣлаю ему также одинъ вопросъ: не уже ли жизнь ему наскучила, что онъ осмѣлился придти въ сей замокъ оскорблять насъ?"

—„Господа!" сказалъ Монт-

розъ, „прошу васъ бышь шерпѣливѣе. Человѣкъ, посланный къ намъ въ званіи посланника, можешъ говоришь все, и имѣешъ право на наше снизхожденіе. Но шакъ какъ Сиръ Дункань Кампбель слишкомъ не отступенъ, то я объявляю ему, что онъ находится среди совѣта вѣрныхъ нодданыхъ Короля, собранныхъ мною именемъ, силою и полномочіемъ особенныхъ повелѣній Его Величества."

—„По всему вижу," сказалъ Сиръ Дункань, „что мы будемъ имѣшь насшоящую войну Я слишкомъ давно занимаюсь ремесломъ солдата, чтобы придши въ безпокойство отъ сей новосши.

Но гораздо было бы лучше, еслибъ въ семъ случаѣ Графъ Монтрозъ подумалъ болѣе о спокойствіи своего отечества, нежели о насыщеніи своего честолюбія."

—„Люди, удовлетворявшіе только корысти своей и честолюбію, Сиръ Дурканъ, есть тѣ, которые довели Шотландію до того положенія, въ какомъ она теперь находится. Они нанесли ей раны, дѣлающія необходимымъ то ужасное средство, какое мы съ сожалѣніемъ должны употребить."

—„Но какъ назовемъ мы въ сравненіи съ людьми, о которыхъ вы говорите, одного благороднаго Графа, бывшаго прежде ревност-

нымъ сообщникомъ Конвента, который въ 1639 году первый переплылъ рѣку Твидъ, чтобъ съ полкомъ своимъ атаковать Королевскую армію? Не онъ ли также заставилъ потомъ остріемъ меча своего гражданъ города Аубердена подписать Конвентъ?"

—„Я понимаю васъ, Сиръ Дунканъ," отвѣчалъ Монтрозъ, воздерживаясь отъ гнѣва; „но если въ пылкой молодости я сдѣлалъ погрѣшности, въ коихъ вы меня укоряете,—если приведенъ былъ въ заблужденіе хитрыми рѣчами честолюбивыхъ лицемѣровъ: то истинное разкаяніе мое въ томъ заслужило прощеніе; и вотъ нако-

нецъ, съ оружіемъ въ рукахъ — я готовъ пролить всю кровь свою, лишь бы только загладить прошедшія мои заблужденія. Кто можетъ болѣе сего требовать отъ простаго смертнаго?"

— „Весьма сожалѣю, Милордъ, что долженъ сдѣлать такое донесеніе Маркизу Аржилю, тѣмъ болѣе, что онъ поручилъ мнѣ, для предубѣжденія бѣдствій, которыя произтекаютъ всегда отъ войны между Монтаньярами, предложить вамъ перемиріе для внутренности горъ нашихъ. Шотландія довольно обширна, чтобъ дать намъ въ другихъ мѣстахъ поля для сраженій, и чтобъ сосѣди не пошли грабить по-

граничныхъ съ ними владѣній.“

—„Это мирное предложеніе,“ сказалъ Монтрозъ съ насмѣшливою улыбкою, „точно таково, какого мы должны ожидать отъ человѣка, котораго поступки всегда показывали, что онъ самъ гораздо болѣе другъ спокойствія, нежели совѣты его и предпріятія. Однако же, если бъ можно было утвердить съ справедливостію и безпристрастіемъ условія сего перемирія, и еслибъ мы имѣли поручительство (ибо намъ непремѣнно оное надобно, Сиръ Дунканъ), что Маркизъ вѣрно ихъ исполнитъ: то съ своей стороны я соглашаюсь оставить миръ

позади насъ, потому что— сражаясь—мы хотимъ идти только впередъ! Но, Сиръ Дунканъ, вы знаете обычаи; вы слишкомъ опытны, и потому не можете думать, чтобъ мы могли позволить вамъ долго оставаться въ семъ замкѣ и быть свидѣтелемъ нашихъ разпоряженій. Покорнѣйше прошу васъ позавтракать; а потомъ вы возвратитесь въ Инверрари съ Офицеромъ, которому мы поручимъ условиться въ кондиціяхъ для перемирія въ горахъ нашихъ, если только дѣйствительно Маркизъ это предлагаетъ."

Сиръ Дунканъ вмѣсто отвѣта поклонился.

—„Лордъ Ментеитъ," про-

должалъ Монтрозъ: „неугодно ли вамъ будетъ принять на себя трудъ — проводить Сиръ Дункана Кампбеля Арденвора, между тѣмъ, какъ мы изберемъ Офицера, долженствующаго за нимъ послѣдовать? Макъ Олай дозволитъ мнѣ попросить его приказать, чтобъ Сиръ Дунканъ угощенъ былъ сообразно съ законами гостепріимства.“

—„Я о томъ постараюсь,“ сказалъ Алланъ подошедши: „я люблю Сиръ Дункана, потому что мы вмѣстѣ съ нимъ пострадали отъ рукъ злодѣевъ; и этого никогда не забуду!“

—„Графъ Ментеитъ!“ сказалъ Сиръ Дунканъ, „я съ

сожалѣніемъ вижу вась въ шакихъ юныхъ лѣшахъ держащими сторону паршіи отчаянныхъ бунтовщиковъ!“

— „Я молодъ,“ отвѣчалъ Меншеитъ; „но однако же довольно старъ для шого, чтобъ различить добро отъ зла, то есть, вѣрность отъ измѣны. Когда съ раннихъ лѣтъ вступаютъ въ добрый путь, то надѣются и долго по оному слѣдовать.“

—„И вы также, любезный Алланъ,“ сказалъ Сиръ Дунканъ, пожимая ему руку: „не уже ли я долженъ буду противъ васъ сражаться, сражавшись столь часто вмѣстѣ съ вами противъ общаго нашего непріятеля?“

Тутъ, обращаясь къ на-

чальникамъ, онъ сказалъ имъ: „господа! я вижу между вами многихъ, къ которымъ душевно привязанъ. Сколько для меня горестно, что вы отвергаете всякое посредничество. „Богъ," присовокупилъ онъ, обративъ глаза къ небу, „да будетъ судьею между нами и людьми, возжигающими сію междоусобную войну!"

—„Аминь!" сказалъ Монтрозъ, „мы всѣ подвергаемъ себя суду сему."

Сиръ Дунканъ вышелъ изъ залы въ сопровожденіи Аллана Макъ Олая и Лорда Ментеита.

—„Вотъ настоящій Кампбель!" сказалъ Моотрозъ въ слѣдъ за нимъ: „давно уже

говорятъ объ нихъ, что они много обѣщаютъ на словахъ, но ничего не исполняютъ на дѣлѣ!"

—„Извините, Милордъ," сказалъ Эванъ д'у, „хотя я и фамильный врагъ Кампбелей; но Лорда Арденвора всегда зналъ, какъ человѣка храбраго въ сраженіяхъ, честнаго во время мира и мудраго въ совѣтахъ."

—„Я знаю," сказалъ Монтрозъ, „что собственный его характеръ заслуживаетъ похвалу, какую вы оному приписываете; но теперь, онъ говорилъ, какъ орудіе и посланникъ начальника своего Маркиза, самаго великаго обманщика въ свѣтѣ. Макъ Олай, сказалъ онъ тихонько

своему хозяину, „я опасаюсь, чтобъ хитрыя рѣчи Сиръ Дункана не сдѣлали какого впечатлѣнія надъ неопытнымъ Ментеитомъ, или надъ странными расположеніями вашего брата; и потому не худо будетъ, если вы пошлете къ нимъ музыкантовъ, для того, чтобъ воспрепятствовать ему имѣть съ ними какой-нибудь особенный разговоръ.“

—„Музыкантовъ!“ отвѣчалъ Алланъ; „у меня ихъ нѣтъ, кромѣ игрока на волынкѣ, и тотъ такъ задохся, стараясь превзойти своихъ соперниковъ, что едва можетъ дышать; но я пошлю туда Аннету Лиль съ арфою.“

Въ ту же минуту онъ вышелъ отдать на сей щетъ приказаніе.

Въ это время послѣдовалъ жаркій споръ о выборѣ посланнаго, долженствующаго сопровождать Сиръ Дункана въ Инверрари. Не льзя было сдѣлать сего предложенія главнымъ Начальникамъ, привыкшимъ почитать себя равными Макъ Каллюмору; не имѣвшіе же сего предлогу нимало не расположены были взять на себя сего порученія: сказали бы, что городъ Инверрари былъ для нихъ долиною Іосафата, такое всѣ они показывали отвращеніе къ нему приближиться. Однако же надлежало кончить, объяснивъ тому

причину; и потому всѣ начальники объявили, что тотъ изъ Монтаньяровъ, который возметъ на себя сіе посольство, столь непріятное для Макъ Каллюмора, долженъ былъ опасаться, что сей послѣдній, сохраняя въ сердцѣ своемъ воспоминаніе о сей обидѣ, рано или поздно найдетъ средство заставить въ томъ разкаяваться.

Въ таковомъ замѣшательствѣ, Монтрозъ, почитавшій сіе мирное предложеніе только лишь хитростію Аржиля, и не смѣя однакоже отвергнуть онаго явно въ присутствіи тѣхъ, которые наиболѣе желали, чтобъ оно было принято, рѣшился повѣрить Далжеттію сію важ-

ную, но вмѣстѣ и опасную коммисію; а чтобъ заставить его принять это на себя, Монтрозъ замѣтилъ ему, что онъ не имѣлъ въ горахъ ни племени, ни владѣній, надъ коими Аржиль могъ бы удовлетворить свое мщеніе.

—„Но если я не имѣю ни племени, ни помѣстій,“ сказалъ Далжетти: „то имѣю голову, и нимало не забочусь о томъ, чтобъ онъ удовлетворилъ надъ нею свое мщеніе. Мнѣ не одинъ примѣръ извѣстенъ, что почтенные господа посланники были повѣшены, какъ лазутчики. Самые Римляне не такъ то хорошо поступили съ депутатами, посланными къ

нимъ во время осады Капуи; помнится—они только лишь отрѣзали имъ носы и кисти рукъ и выкололи глаза; но для меня ничего не значатъ сіи бездѣлки!"

—„Клянусь честію, Маіоръ," сказалъ Монтрозъ, „если Маркизъ, презрѣвши законы войны, сдѣлаетъ вамъ какое-нибудь оскорбленіе, то я совершу надъ нимъ мщеніе столь ужасное, что слухъ о томъ разнесется по всей Шотландіи!"

—„Не велико будетъ для меня утѣшеніе," возразилъ Далжетти, „но нужды нѣтъ! *Куражъ!* говорятъ Испанцы. Имѣя въ виду обѣщанное Друмшваккетское помѣстье,

mea paupera regina, какъ мы говаривали въ школѣ Марешаля,—я беру на себя порученіе Вашего Превосходительства, потому что честный рыцарь всегда долженъ повиноваться приказаніямъ своего Генерала, хотя бъ чрезъ то подвергалъ себя казни на висилицѣ!"

—„Браво, Маіоръ!" сказалъ Монтрозъ; „теперь же подите за мною, я дамъ вамъ нужныя наставленія и увѣдомлю васъ объ условіяхъ, на коихъ можемъ мы заключить перемиріе для внутренности горъ нашихъ."

Мы не станемъ утомлять читателей нашихъ подробностями о сихъ наставленіяхъ, а скажемъ только, что

они были столько же двусмысленны, какъ и самое предложеніе, которое Монтрозъ почиталъ сдѣланнымъ для того только, чтобъ выиграть время. Когда онъ кончилъ, то Далжетти, подходя къ дверямъ, сдѣлалъ военный поклонъ; но Монтрозъ далъ ему знакъ остановиться.

—„Я думаю," сказалъ онъ ему, „что не имѣю нужды напоминать Офицеру, служившему подъ начальствомъ безсмертнаго Густава, что посланникъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ вы будете теперь находиться, не долженъ ограничивать себя только лишь буквальнымъ исполненіемъ данныхъ ему

наставленій. Генералъ вашъ надѣется, по возвращеніи вашемъ, получить отъ васъ свѣденія о положеніи дѣлъ въ непріятельскомъ лагерѣ, какія только вы въ состояніи будете собрать: однимъ словомъ, Маіоръ, надобно будетъ смотрѣть во всѣ глаза!"

—„Ха! ха! ха! Ваше Превосходительство," отвѣчалъ Далжетти, давши грубымъ чертамъ лица своего неподражаемое выраженіе хитрости и тонкости: „если голову мою не запрячутъ въ мѣшокъ, какъ весьма часто дѣлаютъ съ почтенными Офицерами, подозрѣваемыми въ подобныхъ намѣреніяхъ: то, Ваше Превосходительство, можете надѣ-

яться имѣть точное донесеніе о всемъ томъ, что Дюгальдъ Даллжетти увидитъ и услышитъ, хотябы даже надобно было сказать вамъ, сколько пѣсней играли на рогахъ у Макъ Каллюмора, и сколько полосокъ на матеріи, изъ которой сдѣланы его плащь и юбка; — если предположить, что онъ одѣвается такъ, какъ сіи храбрые начальники."

— „Хорошо!" отвѣчалъ Монтрозъ, „прощайте, Маіоръ! Помните, что самая важнѣйшая часть возложеннаго на васъ порученія заключается въ послѣднихъ моихъ приказаніяхъ."

Далжетти сдѣлалъ новую гримасу въ доказательство

того, что онъ совершенно его понялъ, и ушелъ приготовить себя и лошадь свою къ путешествію, наполнивъ магазины съѣстными припасами.

У дверей конюшни (ибо первыя попеченія Маіора всегда относились къ Густаву), онъ нашелъ Ангура Макъ Олая и Сира Миллеса Мусграва, любующихся его лошадью. Похваливши оную, они оба стали просить Маіора, чтобъ онъ не бралъ съ собою сіе прекрасное животное въ такое трудное путешествіе.

Ангуръ описалъ ему самыми страшными красками дурное состояніе дорогъ, или лучше сказать тропи-

нокъ, по коимъ надлежало проѣзжать чрезъ лѣса, простиравшіеся по всему Графству Аржиль; и что въ бѣдныхъ шалашахъ, гдѣ онъ долженъ будетъ проводить ночи, лошадь его не найдетъ для себя никакого корму и принуждена будетъ питаться какими-нибудь изсохшими растѣніями; прибавивъ, что если она и выдержитъ подобное путешествіе, то, возвращась, не будетъ уже годиться для военной службы.

Англичанинъ съ важностію подтвердилъ все сказанное его другомъ, и клялся, что онъ и тѣло и душу свою готовъ вредать чорту, если не почитаетъ совершеннымъ

безумiемъ—однаго намѣренiя ѣхать въ такой путь, даже на самой дешевой лошади.

Далжетти смотрѣлъ то на того, то на другаго, какъ бы въ недоумѣнiи.—„Чтожъ вы присовѣтуете мнѣ въ такомъ случаѣ?" спросилъ онъ ихъ.

—„Клянусь правою рукою отца моего," сказалъ Ангуръ, „что если вы поручите мнѣ на сохраненiе вашу лошадь, то можете быть увѣрены, что ее станутъ кормить и стараться объ ней, какъ она заслуживаетъ; по возвращенiи же своемъ вы найдете ей столь гладкою, какъ луковицу, поджаренную въ маслѣ."

—„Но лучше не угодно ли будетъ достопочтенному

рыцарю," сказалъ Сиръ Милесъ Мусграфъ, „продать ее за умѣренную цѣну; я имѣю часть серебряныхъ моихъ подсвѣшниковъ, которая шевелится въ моемъ кошелькѣ, и чувствую себя весьма расположеннымъ перевести ее въ карманъ его?"

— „ То есть, любезные друзья!" сказалъ Далжетти, смотря на нихъ съ видомъ комической проницательности, „вамъ не противно было бы имѣть какое-нибудь напоминаніе о старомъ солдатѣ; въ случаѣ, если Макъ Каллюмору придетъ охота приказать повѣсить его на воротахъ своего замка. И правду сказать, не малое для меня удовольствіе, если это

случится, оставить по себѣ наслѣдникомъ благороднаго и честнаго кавалера, каковъ Сиръ Милесъ Мусгравъ, или достойнаго начальника, подобнаго нашему доброму господину хозяину!"

Тутъ оба они стали увѣрять, что и въ мысляхъ того не имѣютъ, утверждая еще сильнѣе о дурномъ состояніи дорогъ. Ангуръ Макъ Олай изчислилъ Маіору варварскія имена множества лѣсовъ, утесовъ и пропастей, какія встрѣтятся ему на пути; а старый Дональдъ, пришедшій въ сію минуту, подтвердилъ увѣренія господина своего, воздымая взоры и руки къ небу, и кивая головою при каждомъ словѣ,

произносимомъ Лердомъ; но все сіе не сдѣлало никакого впечатлѣнія надъ терпѣливымъ Маіоромъ.

— „Почтенные друзья!“ сказалъ онъ имъ, „Густавъ не новичекъ въ походахъ, онъ привыкъ къ трудамъ, — видалъ горы Богемскіе, которыя, не въ гнѣвъ Г. Ангуру, могутъ поспорить на щетъ дурныхъ дорогъ не только съ описанными имъ столь ужаснымъ образомъ и утвержденными во всѣхъ пунктахъ Сиръ Милесомъ, отъ роду ихъ не видавшимъ, но и съ цѣлою Европою. Сверхъ того надобно вамъ знать, что лошадь моя имѣетъ превосходныя свойства, — свойства общежитія. Правда, что она

не можетъ пить изъ одного со мною стакана; но за то хлѣбъ мы всегда дѣлимъ съ нею пополамъ. И я увѣряю васъ, что вездѣ, гдѣ только можно будетъ найти оный, она не будетъ терпѣть голоду. Но чтобъ прекратить споръ нашъ, любезные друзья! сдѣлайте одолженіе, взгляните на коня Сиръ Дункана: вотъ онъ возлѣ моей лошади; посмотрите, какъ онъ здоровъ и жиренъ! И такъ, чтобъ прервать ваши безпокойства, я скажу вамъ, что до тѣхъ поръ, пока мы будемъ ѣхать одною дорогою, то сія лошадь и ее всадникъ прежде меня и Густава будутъ имѣть недостатокъ въ запасахъ!"

Сказавъ сіе, онъ насыпалъ овсомъ широкую мѣрку и положилъ ее передъ конемъ своимъ, который, увидя господина своего, заржалъ, поднялъ уши и затопалъ ногами, доказавъ симъ дружескія соотношенія, какія между ими существовали. Онъ не дотронулся до своей порціи, пока не оказалъ Далжеттію ласкъ своихъ, облизавъ лице его и руки; а потомъ уже принялся убирать свой овесъ съ поспѣшностію, бывшею слѣдствіемъ его военныхъ навыковъ. Далжетти, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ съ довольнымъ видомъ, сказалъ ему: „желаю тебѣ добраго аппетиту, Густавъ! теперь и я пойду также снаб-

дить себя съѣстными припасами на дорогу."

Онъ удалился, поклонясь съ важностію Ангуру и Сиръ Милесу, которые, посмотрѣвъ другъ на друга нѣсколько времени, захохотали во все горло.

—„Бездѣльникъ много выиграетъ на семъ свѣтѣ!" сказалъ Сиръ Милесъ.

—„Да," отвѣчалъ Ангуръ, „если только столь же удачно освободится изъ рукъ Макъ Каллюмора, какъ изъ нашихъ."

—„Не уже ли вы думаете," сказалъ Англичанинъ, „что Маркизъ не уважитъ правъ человѣчества и законовъ войны?"

—„Столько же, сколько я

увяжу прокламацію Шошландскаго Парламента," отвѣчалъ Макъ Олай; „но возвратился домой—уже время ишши къ госшямъ."

ГЛАВА X.

„Quand la guerre civile aignise ses poignards,
„Chaqun pour guide ne suit que son caprice
„Et ce que lui convient à ses yeux est justice.“

Shakespeare.

Лордъ Ментеитъ и Алланъ Макъ Олай проводили Сиръ Дункана Кампбеля въ уединенную комнату, гдѣ стали угощать его разнаго рода кушаньями. Сиръ Дунканъ началъ разговоръ, напомнивъ Аллану походъ, или лучше

сказать, правлю, въ которой они вмѣстѣ находились, противъ *дѣтей ночи*, къ коимъ оба питали непримиримую ненависть; но однако же онъ скоро возвратился къ главному пункту, заведши рѣчь о предметѣ своего прибытія.

—„Для меня весьма огорчительно," сказалъ онъ, „что друзья и сосѣди, которые должны бы взаимно другъ друга поддерживать, хотятъ обратить одни противъ другихъ оружіе, за причину, столь мало до нихъ касующуюся. „Что до того нужды начальникамъ Монтаньяровъ," присовокупилъ онъ, „Король ли одержитъ верьхъ, или Парламентъ? Не

гораздо ли лучше будетъ оставить ихъ кончить между собою свои распри, непринимая участія ни словомъ, ни дѣломъ ни въ той, ни въ другой сторонѣ; между тѣмъ, какъ въ это время начальники могли бы воспользоваться симъ случаемъ для утвержденія собственной власти своей такимъ образомъ, чтобъ она могла быть въ безопасности отъ той стороны, которая восторжествуетъ?"

Потомъ онъ напомнилъ Аллану Макъ Олаю, что мѣры, принятыя при послѣднемъ Государѣ, для возстановленія, какъ говорили, тишины и мира между Шотландскими Монтаньярами, въ самой ве-

щи обращены были только на патріархальную власть ихъ начальниковъ. Поселеніе же колонистовъ, пришедшихъ водвориться въ Левисѣ, Сиръ Дунканъ почиталъ частію рѣшительнаго плана, составленнаго для того, чтобъ ввести иностранцовъ среди Цельтійскихъ племенъ; — постепенно уничтожить древнія ихъ обыкновенія и лишить ихъ наслѣдія ихъ предковъ; „и однако же,“ присовокупилъ онъ, обращаясь къ одному Аллану: „единственно съ тѣмъ, чтобъ дать деспотическую власть Монарху, имѣющему такія намѣренія, — всѣ сіи горные начальники возжигаютъ факелъ раздора и готовы сра-

жаться противъ сосѣдей своихъ, союзниковъ и прежнихъ своихъ сослуживцевъ."

—„Брату моему, Лердъ Арденворъ," сказалъ Алланъ, „должны вы сдѣлать сіи представленія, потому что онъ глава нашей фамиліи. Правда, что я братъ Ангуру; но въ этомъ званіи я только лишь первый изъ его подданныхъ; и обязанность, какую предписываютъ мнѣ сіи узы родства—есть та, чтобъ подавать другимъ примѣръ слѣпаго повиновенія его приказаніямъ."

—„Сверхъ того и причина, заставляющая насъ дѣйствовать, гораздо важнѣе, нежели какою Сиръ Дунканъ Кампбель оную предполага-

етъ," сказалъ Лордъ Ментеитъ, коему пылкій характеръ не позволялъ молчать въ семъ случаѣ. „Причина сія не относится ни къ колѣнамъ, ни къ народонаселенію, ни къ Монтаньярамъ, ни даже къ жителямъ Нижнихъ земель. Надобно рѣшить: по прежнему ли мы дозволимъ управлять собою съ неограниченною властію, неправедно присвояемою обществу людей, которые ни въ какомъ отношеніи насъ не превосходнѣе, вмѣсто того, чтобъ подвергнуть себя законному правленію Государя, противъ коего они взбунтовались? Чтожъ касается до особенныхъ правъ Монтаньяровъ, присовоку-

пилъ онъ: що да проспишь мнѣ Сиръ Дунканъ, если скажу откровенно, что единственная выгода, какая послѣдуетъ отъ теперешняго злоупотребленія власти, будетъ возвышеніе одного племени, которое и безъ того уже непомѣрною своею властію прерываетъ то полезное равновѣсіе, которое утверждало независимость всѣхъ горныхъ начальниковъ.“

—„Я не стану вамъ отвѣчать, Милордъ,“ сказалъ Сиръ Дунканъ, „потому что, зная ваши предразсудки, знаю также и то, изъ какого источника они произтекаютъ. Однако же позвольте сказать, что Графъ Меншеитъ, будучи главою от-

расли, бывшей соперницею фамиліи Грагама, могъ бы презрѣть быть подъ опекою и не имѣть другаго мнѣнія, кромѣ того, какое хотятъ ему внушить, подобно одному изъ предковъ своихъ, который сталъ бы стыдиться, повинуясь приказаніямъ какого-нибудь Графа Монтроза."

—„Тщетно, Сиръ Дунканъ," возразилъ съ гордостію Лордъ Ментеитъ, „стараетесь вы поссорить тщеславіе мое съ моими правилами. Не отъ Короля ли предки мои получили достоинства свои и титла? И не уже ли я буду столь подлъ, что сіи отличія возпрепятствуютъ мнѣ сражаться за Королевскую

сторону, подъ начальствомъ воина, который болѣе меня достоинъ быть главнымъ полководцемъ? Всякое гнусное чувство зависти должно уступить чести, служить подъ предводительствомъ храбрѣйшаго, великодушнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ Шотландцевъ!“

—„Жаль только,“ сказалъ старый рыцарь, „что къ симъ похваламъ вы не можете присовокупить ни твердости его въ характерѣ, ни непоколебимости въ правилахъ. Но я не хочу заводить о семъ безполезнаго съ вами спора, Милордъ; ибо знаю, что участь ваша рѣшена; но позвольте изъявить сожалѣ-

нie о пагубномъ влiянiи, какое Ангуръ Макъ Олай и Ваше Сiятельство имѣете на благороднаго друга моего, нещастнаго Аллана. Природная запальчивость брата влечетъ его къ погибели, такъ какъ все племя отца его и многихъ другихъ храбрыхъ людей, раздѣляющихъ ихъ ослѣпленie."

—„Для всѣхъ насъ рѣшена участь, Сиръ Дунканъ," возразилъ Алланъ съ мрачнымъ видомъ. „Желѣзная рука судьбы запечатлѣваетъ, на челѣ нашемъ жребiй, намъ опредѣленный, прежде нежели мы можемъ имѣть желанie или поднять руку для защищенiя самихъ себя. Еслибъ это было иначе, то какимъ бы

образомъ Пророкъ могъ отличить будущее отъ сихъ знаменательныхъ предчувствій, которые денно и нощно его преслѣдуютъ? — Не возможно предвидѣть инаго, кромѣ того, что долженствуетъ непремѣнно случиться?"

Сиръ Дункаль Кампбель хотѣлъ отвѣчать — и самый темный и спорный пунктъ метафизики сдѣлался бы предметомъ пылкаго разсужденія между двумя Монтаньярами, еслибъ дверь не отворилась и Аннета Лиль съ своею арфою не вошла въ комнату. Вольность молодой Шотландской Монтаньярки блистала во взорахъ ея и примѣтна была даже въ ея походкѣ. Будучи

воспитана въ величайшей дружбѣ съ Лердомъ Мэкъ Оласмъ и братомъ его Лордомъ Ментеитомъ и другими молодыми господами, часто посѣщавшими замокъ Дарнлинварахъ, она не имѣла той застѣнчивости, какую дѣвица, воспитанная въ кругу особъ своего пола, непремѣнно показала бы въ подобномъ случаѣ.

Уборъ Аннеты былъ нѣсколько старинный, потому что новыя моды рѣдко доходили до горъ Шотландскихъ, а тѣмъ труднѣе имъ было достигнуть замка, почти всегда обитаемаго одними только мущинами, коихъ единственныя занятія состояли въ войнѣ и охотѣ.

Однако же платье Аннеты было отличное и сдѣлано изъ богатой матеріи; на ней была тюника, открытая спереди, съ стоячимъ воротникомъ, изъ голубаго бархату, богато вышитаго, съ серебряными петлицами, посредствомъ коихъ Аннета могла, если хотѣла, ее застегивать. Рукава оной были широкіе, простиравшіеся только до локтей и обшиты золотою бахрамою. Подъ тюникою была юбка изъ голубаго атласа, равнымъ образомъ вытитая; но только цвѣтъ оной былъ блѣднѣе тюники. На шеѣ Аннеты надѣта была серебряная цѣпочка старинной работы, на коей висѣлъ ключикъ, кото-

рымъ она настроивала свой инструментъ. Надъ воротникомъ тюники возвышался небольшой воротничекъ, который спереди заколотъ былъ драгоцѣнною булавкою, давно уже подаренною ей Лордомъ Ментеитомъ. Длинные бѣлокурые ея волосы низпадали въ локонахъ до самыхъ бровей и частію оныя закрывали. Съ улыбкою на устахъ и алымъ румянцемъ на щекахъ она объявила имъ, что пришла, по приказанію Макъ Олая, спросить: не желаютъ ли они послушать музыки?

Сиръ Дунканъ съ удивленіемъ и соучастіемъ смотрѣлъ на юную красавицу, коей нечаянный приходъ пре-

рвалъ разговоръ его съ Алланомъ Макъ Олаемъ.

—„Возможно ли," сказалъ онъ ему на ухо, „чтобъ шакая прекрасная, ловкая и благородная дѣвушка была наемною пѣвицею вашего брата?"

„—Наемною!" отвѣчалъ Алланъ съ живостію; „нѣтъ, нѣтъ, Сиръ Дунканъ! она... (и онъ, казалось, запнулся въ словахъ) она близкая родственница нашей фамиліи.— Мы всѣ почитаемъ Аннету," присовокупилъ онъ твердымъ голосомъ, —„пріемною дочерью въ домъ отца моего."

Произнесши сіи слова, онъ всталъ изъ-за стола, и съ учтивымъ видомъ, какой Мон-

таньяры умѣютъ принимать на себя, когда захотятъ, уступилъ мѣсто свое милой Аннетѣ, и подносилъ ей кушанья съ усердіемъ и вниманіемъ, желая безъ сомнѣнія подать Сиръ Дункану высокую мысль о званіи и происхожденіи своей питомицы. Но если онъ имѣлъ такія намѣренія, то старанія его совсѣмъ были безполезны. Сиръ Дунканъ не спускалъ съ Аннеты взоровъ, которыя столько были выразительны, что показывали гораздо живѣйшее участіе, нежели какое могла внушить ему простая мысль, что прелестная пѣвица происходила отъ знатной крови. Сама Аннета ощущала нѣкоторое замѣ-

шательство, видя что старый рыцарь столь пристально смотрѣлъ на нее, и отъ того долго не могла пѣть; но наконецъ, настроивъ арфу и получивъ одобрительный взоръ отъ Аллана и Лорда Ментеита, она запѣла на Цельтскомъ языкѣ слудующую балладу:

СИРОТА.

Пожалѣйте о сироточкѣ,
Что безъ друга, безъ родныхъ она
По бѣлу свѣту скитается! —
„Какъ зовутъ тебя, мой милой другъ?"
—Розой. — „Сколько лѣтъ тебѣ теперь?"
Мнѣ? Шестнадцать лѣтъ исполнилось.
„Не уже ли, мила дѣвица,
„Не имѣешь ты родителей?

Я трехъ лѣтъ была, какъ умерли,
„Ктожъ, бѣдняжка, воспиталъ
тебя?“
Рыбаки, но ихъ на свѣтѣ нѣтъ.
Дональдъ въ день Святой Розаліи
Меня вынулъ изъ воды въ сѣтяхъ,
—„Не имѣешь ли чего-нибудь
„Въ память объ отцѣ и матери?“
Сей браслетъ съ двумя колечками
Былъ на мнѣ, когда спасли меня.

Тутъ вскричала госпожа замка,
Проливая слезъ источники:
—„Дитя милое,—ты дочь моя!
Моя Эмма, Господь спасъ тебя,
Чтобъ награду дать за горести,
Кои я терплю ужъ двенадцать
лѣтъ!
Твой отецъ убитъ злодѣями,—
Братъ—малютка пораженъ ими,
Когда еще въ колыбели былъ;—
Тебя жъ, дружокъ, сіи варвары
Тогда бросили въ рѣку быструю
Въ глазахъ бѣдной твоей матери,
Къ довершенію же варварства—
Они жить меня оставили.
Но Богъ—сжалясь на страданія—
Возвратилъ тебя любви моей!“

Въ то время, какъ Аннета

съ неизъяснимою пріятностію пѣла сію балладу, Лордъ Ментеитъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она производила надъ духомъ Сиръ Дункана впечатлѣніе гораздо живѣйшее, нежели какое должна была произвесть надъ человѣкомъ, имѣвшимъ его лѣта и характеръ. Онъ зналъ, что Монтаньяры тогдашняго времени слушали балладу или романсъ гораздо съ большимъ восхищеніемъ и чувствительностію, нежели жители Нижнихъ земель; но даже и сія причина казалась Ментеиту недостаточною, чтобъ изъяснить безпокойство, съ коимъ старикъ избѣгалъ смотрѣть на Аннету, какъ бы опасаясь остановить

взоры свои на сей прелестной дѣвицѣ. А тѣмъ менѣе Ментеитъ могъ предполагать, чтобъ такой простой случай причинилъ столь замѣтное смущеніе въ чертахъ лица, на коемъ всегда выражались только строгая гордость и суровая непреклонность. Сиръ Дунканъ опускалъ понемногу длинныя сѣдыя рѣсницы свои, пока онѣ совершенно не закрыли глазъ его, изъ коихъ покатились слезы. — Онъ остался въ семъ безмолвномъ положеніи нѣсколько минутъ до тѣхъ поръ, пока не изчезъ звукъ послѣдняго аккорда. Тогда, поднявъ голову, онъ взглянулъ на Аннешу Лиль, какъ бы желая

говорить съ нею; однако же по видимому, перемѣнивши мысль, обратился къ Аллану съ тѣмъ, чтобъ начать рѣчь, какъ вдругъ дверь отворилась, и господинъ замка вошелъ въ комнату.

Ангуръ Макъ Олай пришелъ по порученію, которое не зналъ какъ исполнить. Смущеніе его было весьма замѣтно; но наконецъ, послѣ многихъ двусмысленныхъ словъ и тысячи различныхъ оборотовъ, удалось ему дать понять Сиръ Дункану, что Офицеръ, долженствующій его сопровождать, ожидалъ его приказаній, и что все было готово къ его отъѣзду. Сиръ Дунканъ всталъ съ негодующимъ видомъ, и оби-

да, причиненная ему симъ, превратила въ гнѣвъ нѣжное чувство, произведенное въ немъ музыкою.

—„Я не ожидалъ такого пріему," сказалъ онъ, бросивъ гнѣвный взоръ на Ангура Макъ Олая; „и никакъ не повѣрилъ бы, чтобъ между западными Монтаньярами былъ хотя одинъ начальникъ, который имѣлъ бы подлость, во угожденіе Саксону, придти объявить Лерду Ардевору приказаніе оставить его замокъ прежде, нежели солнце закатилось, и прежде, нежели другой кубокъ опорожненъ. Прощайте, государь мой! вижу теперь, какъ здѣсь исполняются обязанности гостепрі-

имства; если когда-либо возвращусь въ замокъ Дарнлинварахъ, то развѣ съ обнаженною саблею въ одной рукѣ и съ зазженнымъ факеломъ въ другой.“

— „Приходите!“ сказалъ Ангуръ, „и хотябъ съ вами было 500 Кампбелей *), то я обѣщаюсь принять васъ пристойнымъ образомъ, и приготовлю для васъ такое угощеніе, что въ другой разъ не станете жаловаться на своихъ хозяевъ.“

— „Люди, коимъ угрожа-

---

*) Мы уже видѣли, что Кампбелями назывались всѣ принадлежавшіе къ племени, коего Маркизъ Аржиль былъ начальникомъ.

ютъ, долѣе живутъ!" возразилъ старый рыцарь; „ваша кичливость слишкомъ давно извѣстна, Лердъ Макъ Олай, чтобъ благородному человѣку обратить на то вниманіе. Васъ же, Милордъ и Аллана, благодарю за то, что замѣнили не учтиваго моего хозяина. „Милая дѣвица!" присовокупилъ онъ потомъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, обращаясь къ Аннетѣ Лиль, и надѣвая ей на палецъ перстень, „я надѣюсь, что вы не откажетесь принять сей милости въ знакъ памяти обо мнѣ. Вы открыли источникъ, который я съ давняго времени почиталъ изсякшимъ"

При сихъ словахъ онъ вы-

шелъ изъ комнаты и приказалъ позвать людей своихъ. Ангуръ Макъ Олай, оскорбленный своими упреками, имъ ему сдѣланными, и въ тоже время нѣсколько смущенный, не думалъ за нимъ слѣдовать. Сиръ Дункаиъ нашелъ на дворѣ коня своего и слугъ, готовыхъ къ отъѣзду. Маіоръ Далжетти ожидалъ его, положивъ ногу въ стремя; лишь только Сиръ Дунканъ показался, какъ онъ вскочилъ на любезнаго своего Густава, и вся толпа всадниковъ выѣхала изъ замка.

ГЛАВА XI.

Le chemin étoit long, pénible, dangereux
Et plus ils approchoient du but de leur voyage
Plus le pays étoit désert, sombre et sauvage
Les voyageurs.

Путешествіе было скучно и продолжительно, не будучи однако же столь затруднительно, какъ предсказывалъ Лердъ Макъ Олай. Правду сказать, Сиръ Дунканъ тщательно избѣгалъ тѣхъ тайныхъ тропинокъ, по коимъ можно было проникнуть

въ Графство Аржиль съ западной стороны, не взирая на то, что сіи тропинки весьма сократили бы путь ихъ; но родственникъ его и начальникъ, Маркизъ Аржиль часто говаривалъ, что ни за сто тысячь коронъ не желаетъ, чтобъ кто-нибудь изъ смертныхъ зналъ тѣ ущелія, чрезъ кои сильная армія могла бы проникнуть въ его владѣнія.

Такимъ образомъ Сиръ Дунканъ почти всегда удалялся отъ горъ и направлялъ путь къ самой ближайшей морской гавани, гдѣ находились многія плоскодонныя галеры, ему принадлежавшія. Они сѣли на одну изъ нихъ, послѣ-

дуемые Густавомъ, который до такой степени привыкъ къ сему роду путешествія, что ему, такъ какъ и господину его, все равно казалось, по землѣ ли ѣхать, или по морю.

Вѣтеръ дулъ попутной, и они быстро продолжали плаваніе свое, распустивши всѣ паруса. Переѣздъ былъ недальній, и на другой день поутру объявили Маіору Далжеттію, который сидѣлъ тогда въ маленькой каюткѣ подъ палубою, что галера подъѣзжала къ стѣнамъ замка Сиръ Дункана.

Вышедши на палубу, онъ увидѣлъ замокъ Арденворъ, возвышавшійся почти надъ самыми ихъ головами. Глав-

ный корпусъ состоялъ изъ квадратной башни, имѣвшей видъ величественный и мрачный. Она занимала большое пространство и была весьма высока.

Замокъ выстроенъ былъ на мысѣ, доходившемъ до самаго морскаго рукава, въ которомъ они пристали. Стѣна ограничивалась со всѣхъ сторонъ башнями и окружала замокъ съ сухаго пути; но со стороны озера онъ столь близко пристроенъ былъ къ краю крутаго утеса, на коемъ возвышался, что ничего не льзя было тамъ поставить, кромѣ батареи изъ семи пушекъ, назначенной для защищенія крѣпости съ сей стороны,

хотя по высотѣ мѣста батарея сія не могла дѣйствовать съ успѣхомъ противъ атаки, направленной по новѣйшей военной системѣ.

Солнце, возходя позади старой башни, отбрасывало тѣнь оной на поверхность озера и на палубу галеры, гдѣ Маіоръ Далжетти прохаживался тогда, съ нетерпѣніемъ ожидая сигнала къ выходу изъ судна. „Сиръ Дункан," сказали ему, „находится уже въ стѣнахъ замка." Когда же Маіоръ просилъ, чтобъ и его высадили на берегъ: то ему отвѣчали, что надобно ожидать на то приказанія Лерда Арденвора.

Желаемое приказаніе ско-

ро было получено, и шлюбка пріѣхала за посланникомъ Монтроза, чтобъ отвезти его въ замокъ. Одинъ музыкантъ, сидя на кормѣ оной и имѣя на лѣвой рукѣ гербъ Лерда, вышитый серебромъ, изо ѣсѣхъ силъ наигрывалъ на волынкѣ маршъ племени Кампбелей. Разстояніе между галерою и берегомъ было столь мало, что шлюбка, на коей находилось восьмеро сильныхъ гребцовъ, пристала въ маленькомъ заливѣ, гдѣ они обыкновенно сходили на берегъ, прежде нежели Маіоръ могъ замѣтить, что онъ оставилъ галеру. Двое матрозовъ, не взирая на сопротивленіе Далжеттія, взвалили его на плеча третьяго

Монтаньяра, который, перешедши въ бродъ волны, разбивавшіяся объ берега, сложилъ имениmoe бремя свое на крутой утесъ, на коемъ возвышался замокъ.

Напереди сего утеса примѣтно было отверстіе низкой и мрачной пещеры, къ которому Монтаньяры хотѣли уже тащить друга нашего Далжеттія, какъ вдругъ онъ съ трудомъ высвободясь изъ рукъ ихъ, объявилъ, что ни шагу не сдѣлаетъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, какъ сведутъ Густава съ судна, и пока не увѣрится, что ему не причинили никакого вреда. Монтаньяры никакъ не могли понять его

словъ; но одинъ изъ нихъ, выучившій во время войны нѣсколько словъ по Англійски, вскричалъ: „кажется мнѣ, что онъ говоритъ о своей лошади; но что онъ станетъ теперь съ нею дѣлать?—И не уже ли сія скотина столь дорога, что онъ ни на одну минуту не можетъ съ нею разстаться?“

Маіоръ хотѣлъ возобновить свои требованія, когда Сиръ Дунканъ, появившись у входа въ пещеру, о коей мы уже упомянули, пригласивъ гостя своего въ замокъ, обѣщая ему въ то же время, что Густавъ будетъ угощенъ со всѣмъ отличіемъ, должнымъ герою, коего именемъ онъ назывался, а также

и почтенный Г. Маіоръ, коему онъ имѣлъ честь принадлежать. Однако же, не взирая на такое удовлетворительное обѣщаніе, безпокойство Маіора въ разсужденіи товарища его Густава столь же было велико, что онъ все еще медлилъ, какъ вдругъ двое дюжихъ Монтаньяровъ схватили его подъ руки, а двое другихъ толкнули сзади; между тѣмъ какъ пятый кричалъ имъ на своемъ нарѣчіи: „такъ! товарищя, такъ! Развѣ онъ глухъ, что не слышитъ, какъ Лердъ зоветъ его; и развѣ мало для него чести быть угощаемымъ въ замкѣ Лерда Арденвора!“

Будучи увлеченъ такимъ

образомъ, бѣдный Маіоръ успѣлъ только однажды оглянуться на галеру, гдѣ оставался соструднинъ его воинскихъ подвиговъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ очутился въ совершенной темнотѣ на круглой лѣстницѣ, изсѣченной въ утесѣ, ведшей въ ту пещеру, о коей мы говорили.

— „Да будутъ прокляты эти дьяволы, неучи Монтаньяры!“ бормоталъ Маіоръ въ полголоса: „они совсѣмъ не умѣютъ ходить за лошадьми; что сдѣлается съ моимъ бѣднымъ Густавомъ, носящимъ имя непобѣдимаго Льва и защитника Протестантскаго исповѣданія, если я

ввѣрю его попеченіямъ таких скотовъ?"

—,,Не опасайтесь," сказалъ Сиръ Дунканъ, который находился къ Маіору гораздо ближе, нежели онъ думалъ; ,,люди мои привычны перевозить лошадей и ходить за ними. Вы скоро увидите Густава въ добромъ здоровьѣ; но между тѣмъ слѣдуйте за мною и не безпокойтесь."

Маіоръ обращался въ свѣтѣ, и потому не дѣлалъ болѣе возраженій, хотя внутренно и ощущалъ еще нѣкоторое сомнѣніе. Въ сію минуту онъ примѣтилъ слабый свѣтъ, который постепенно увеличивался; наконецъ, когда онъ вышелъ изъ

двери, запиравшейся желѣзною рѣшеткою, то увидѣлъ себя въ галлереѣ, высѣченной въ передней части утеса, и занимавшей около 4хъ или 5 тоазовъ пространства. Слѣдуя безпрестанно за господиномъ замка, Далжетти прошелъ въ другую дверь, которая равнымъ образомъ защищаема была желѣзною рогаткою.

—„Вотъ удивительный перекрестокъ!" сказалъ Маіоръ; „если поставишь тутъ пушку, или даже нѣсколько солдатъ съ ружьями: то и сего достаточно будетъ для предохраненія крѣпости отъ нечаяннаго нападенія!"

Сиръ Дункань ничего не отвѣчалъ на сей разъ; но

когда вошли они въ другую пещеру, то постучалъ тростью, которую держалъ въ рукѣ, въ ту и въ другую сторону рѣшетки. По продолжительному стуку, раздававшемуся подъ сводомъ, Маіоръ заключилъ, что на каждой сторонѣ были пушки, направленныя на ту галлерею, которую они сей часъ прошли. Амбразуры, предъ коими находились сіи орудія, были закрыты снаружи земляными насыпьми и кучами камней. Взошедши на вторую лѣстницу, они опять очутились на открытой площадкѣ. Въ семъ мѣстѣ они были бы подвержены двойному огню какъ изъ ружей, такъ и изъ пушекъ,

еслибъ, пришедши съ непріятельскими намѣреніями, сдѣлали хотя одинъ шагъ впередъ.

Другія ступеньки, высѣченныя въ утесѣ, привели ихъ наконецъ къ подошвѣ башни. Сія послѣдняя лѣстница была столь же узка и перпендикулярна, какъ и прежнія; и не говоря уже о батареяхъ, ее защищавшихъ, два или три человѣка, вооруженные копьями и сѣкирами, могли бы защищать сей проходъ противъ цѣлой арміи; ибо двое рядомъ никакъ не могли тутъ идти; а лѣстница не ограничивалась никакими перилами съ той стороны, гдѣ она, такъ сказать, висѣла надъ про-

пастью, во глубинѣ коей волны разбивались съ страшнымъ ревомъ. Такимъ образомъ, благодаря ревностнымъ предосторожностямъ, принятымъ для безопасности сей старинной крѣпости, человѣкъ робкій, или подверженный головокруженію, не мало ощутилъ бы страха, стараясь достигнуть до замка, если бы даже никто ему въ томъ и не препятствовалъ.

Но Далжетти былъ слишкомъ храбръ, и вмѣсто того, чтобъ ощущать боязнь, достигши двора, онъ сталъ утверждать, что изъ всѣхъ крѣпостей, какія онъ имѣлъ щастіе защищать во время своихъ кампаній, ни одна

столько не походила на замокъ Сиръ Дункана, какъ славная крѣпость Шпандау въ Пруссіи. Однако же весьма хулилъ семи пушечную батарею, бывшую передъ замкомъ, говоря, „что когда пушки поставлены на высотѣ ушеса, подобно чайкамъ, или рыболовамъ, сидящимъ на насѣсти, тогда онѣ дѣлали болѣе шуму, нежели вреда; чему онъ видалъ примѣры."

Сиръ Дунканъ не отвѣчалъ ничего и повелъ гостя своего въ замокъ, защищаемый рогаткою и толстыми дубовыми воротами, съ обѣихъ сторонъ окованными желѣзомъ. Пришедши въ одну залу, коей стѣны

украшены были обоями, Маіоръ продолжалъ военную свою критику, и прервалъ оную только при видѣ превосходнаго завтрака, ему предложеннаго, за который онъ принялся съ аппетитомъ, не позволявшимъ ему произносить ни слова. Но лишь только кончилъ оный, какъ обошелъ всю комнату и внимательно разсматривалъ въ каждое окошко окрестности замка. Потомъ, возвратясь на свое мѣсто, растянулся въ креслахъ, протянулъ одну ногу, постукивая широкую ботфорту свою тросточкою, которую держалъ въ рукѣ, съ видомъ человѣка, желающаго показать, что онъ знаетъ, какъ обращаться въ

обществѣ знатныхъ людей, и тотомъ докторскимъ тономъ сталъ подавать свое мнѣніе, хотя никто онаго у него и не спрашивалъ.

„Вашъ замокъ, Сиръ Дункакъ, требуетъ того, чтобъ его привести во оборонительное положеніе, — непремѣнно требуетъ. Но позвольте вамъ сказать, что въ теперешнемъ его состояніи никакъ не возможно ему долгое время выдержать хорошаго приступу; ибо замѣтьте хорошенько, Сиръ Дункакъ, что сіи укрѣпленія безполезны,—совершенно безполезны, отъ этаго пригорка, который возвышается надъ ними съ сухаго пути. Непріятелю стоитъ

только поставить на семъ возвышенномъ мѣстѣ батарею изъ нѣсколькихъ пушекъ, и пусть тысяча ядеръ раздробятъ мою голову, если въ двадцать четыре часа вы не будете принуждены сдаться!“

—„Здѣсь нѣтъ дороги, по которой бы можно было провезти артиллерію противъ Арденвора,“ возразилъ Сиръ Дунканъ сухимъ тономъ, —„окрестности столь болотисты, что кромѣ тропинокъ, которыя въ нѣсколько часовъ легко можно сдѣлать совсѣмъ непроходимыми, съ трудомъ проѣдете вы по онымъ и верхомъ.“

—„Хорошо, Сиръ Дунканъ,

хорошо. Но всякой думаетъ по своему; а мы люди военные, — привыкли говорить, что гдѣ есть берегъ, тамъ есть сторона для приступа; ибо когда артиллерію и снаряды не льзя провести сухимъ путемъ, то водою весьма легко доставить къ тому мѣсту, гдѣ они нужны. Не льзя также сказать, Сиръ Дунканъ, что крѣпость неприступна, сколько бы ни превосходны были положенія ея и оборонительные способы, потому что я былъ свидѣтелемъ, какъ 25 головорѣзовъ, сдѣлавъ нечаянное и сильное нападеніе, взяли крѣпость, столь же хорошо защищаемую, какъ замокъ Арденворъ, и заставили гар-

низонъ оной, состоявшій изъ 200 человѣкъ, сдаться."

Не взирая на власть, какую Сиръ Дунканъ имѣлъ надъ самимъ собою, и на искусство скрывать чувства его возмущавшія, онъ, казалось, оскорблялся разсужденіями, которыя Маіоръ дѣлалъ съ непоколебимою важностію, потому что онъ выбралъ сей предметъ для разговора, дабы блеснуть своими познаніями въ воинской тактикѣ, ни мало не безпокоясь о томъ, пріятно ли сіе или нѣтъ для хозяина.

—„Чтобъ рѣшить однимъ словомъ," сказалъ Сиръ Дунканъ колкимъ и насмѣшливымъ тономъ: „то скажу вамъ, государь мой, что я

самъ знаю и безъ васъ, что весьма можно взять крѣпость приступомъ, если не храбро ее защищаютъ; и что можно даже сдѣлать нечаянное нападеніе, если гарнизонъ не всегда бываетъ остороженъ; но я надѣюсь, что по милости Божіей никогда не случится сего съ бѣднымъ замкомъ моимъ, даже и тогда, когда бы самъ Маіоръ Далжетти сдѣлалъ мнѣ честь, осадивъ оный.“

—„Но однако же, Сиръ Дунканъ,“ возразилъ упрямый Маіоръ, „я по дружбѣ совѣтую вамъ поставить редутъ на пригоркѣ, о коемъ я вамъ говорилъ, и окружить оный широкимъ рвомъ; что весьма не трудно сдѣлать, употре-

бивъ на то руки сосѣднихъ крестьянъ; ибо всѣмъ надобно знать, что великій Густавъ Адольфъ одолженъ былъ побѣдами своими не столько мечу, копью и огнестрѣльному оружію, сколько лопатѣ и заступу. И такъ я совѣтую вамъ укрѣпить сей редутъ не только, говорю я, рвомъ, но также и многочисленными полиссадами. . . "

(При сихъ словахъ его, Сиръ Дунканъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ изъ комнаты; но Маіоръ шелъ за нимъ до самой двери, возвышая голосъ по мѣрѣ того, какъ рыцарь удалялся до тѣхъ поръ, пока тотъ не скрылся изъ виду)... Сіи полиссады дол-

жны быть сдѣланы такимъ образомъ, чтобъ могли служить для стрѣльбы подъ прикрытіемъ, въ случаѣ, если непріятель подойдетъ близко... Экой скотъ! старая животина Монтаньяръ! Онъ такъ гордъ, какъ павлинъ, и упрямъ, какъ оселъ! Вотъ онъ упускаетъ случай сдѣлать изъ замка своего прекрасную неправильную крѣпостцу! „Но, что я вижу, присовокупилъ Далжетти, смотря въ окно, изъ коего видно было море,—„наконецъ и Густавъ вышелъ на берегъ! Благородное животное! онъ такъ хорошо держитъ голову, что я узналъ бы его въ цѣломъ эскадронѣ! Надобно пойти посмотрѣть, какъ то съ нимъ обходятся!“

Маіоръ тотчасъ пошелъ на дворъ и готовился сойти съ лѣстницы, какъ вдругъ двое часовыхъ обратили противъ него копья, и дали понять, что онъ рѣшался на опасный поступокъ.

—„Diavolo!“ вскричалъ Далжетти, „а я совсѣмъ не знаю пароля! Еслибъ даже мнѣ надобно было просить двойнаго жалованья, или вырваться изъ когтей главнаго судьи: то и тогда, чортъ возьми, я не выговорилъ бы ни одного слова на проклятомъ ихъ нарѣчіи.“

—„Я провожу васъ, Маіоръ,“ сказалъ Сиръ Дунканъ, который подошелъ къ нему,

не будучи имъ примѣченъ: „мы вмѣстѣ посмотримъ любимаго коня вашего."

Они сошли до самаго морскаго берега, и тогда Сиръ Дунканъ вывелъ его узкимъ проходомъ къ одному утесу, заграждавтему видъ конюшенъ и другихъ хозяйственныхъ строеній замка. Тутъ Далжетти увидѣлъ, что съ сухопутной стороны замокъ сдѣланъ былъ совершенно неприступнымъ, по причинѣ грубокаго рва, чрезъ который не льзя было перейти иначе, какъ посредствомъ подъемнаго моста. Но не смотря на торжествующій видъ, съ какимъ Сиръ Дунканъ сіе ему показывалъ,

Даллжетти не преставалъ утверждать, что надобно соорудить редутъ на Друмснабѣ (такъ назывался упоминаемый пригорокъ), потому что непріятель, завладѣвши онымъ, могъ бросать на замокъ разкаленныя ядра и бомбы, изрыгающія пламя, вымышленныя Стефаномъ Баторіаномъ, Королемъ Польскимъ, употребившимъ сей способъ для раззоренія великаго города Москвы. — „Признаюсь,“ присовокупилъ Маіоръ, „что я не видалъ еще въ дѣйствіи сего изобрѣтенія; но весьма бы радъ былъ, когда бъ испытали оное надъ Арденворомъ, или надъ другимъ какимъ замкомъ, равнымъ ему въ крѣпости.“

При семъ случаѣ Далжетти сдѣлалъ замѣчаніе, что столь любопытный опытъ весьма бы много занялъ любителей воинскаго искусства.

Сиръ Дункань перемѣнилъ разговоръ, поведши его въ конюшню, и оставивши тамъ заниматься Густавомъ. Рачительно исполнивъ сію должность, Маіоръ предложилъ возвратиться въ замокъ, говоря, что желалъ бы передъ обѣдомъ, который безъ сомнѣнія будетъ не прежде полудня, почистить свою кирасу. Отъ морскаго воздуха она нѣсколько потускла, и онъ хотѣлъ ее вычистить, чтобъ завтра съ честію можно было показаться въ

ней передъ Макъ Каллюморомъ. Но идучи къ замку, Маіоръ старался доказать Сиръ Дункану тотъ вредъ, какой могло причинить ему нечаянное нападеніе непріятелей, которые безъ труда могли завладѣть скотомъ его и съѣстными припасами; и опять заклиналъ его построить редутъ на пригоркѣ, называемомъ Друмснабомъ, съ великодушіемъ предложивъ свои услуги къ тому, чтобъ начертить планъ, какимъ образомъ оный поставить.

Вмѣсто отвѣта на сіе дружеское предложеніе, Сиръ Дунканъ проводилъ опять гостя своего въ его комна-

шу и ушелъ, сказавъ, что звонокъ замка увѣдомитъ его объ обѣдѣ.

ГЛАВА XII.

Est ce là ton chateau? Deployant
sa banniére
L'ennui triste et pensif y tiens sa
cour plénière
Des oisseaux de la nuit c'est le digne
sèjour.
Les ténébres jamais n'y font place
au grand jour
Le plus vil paysan, dans son humble
chaumiere
Voit au moins les rayons du dieu
qui nous éclaire.

Brown.

Храбрый нашъ Ротмистръ охотно желалъ бы употребить свободное время на разсматриванiе наружности зам-

ка Сиръ Дункана, чтобъ увѣриться, хорошо ли судилъ о его укрѣпленіяхъ; но рослый Монтаньяръ, съ сѣкирою въ рукѣ, стоявшій на часахъ у дверей его комнаты, далъ ему понять весьма выразительнымъ движеніемъ, что онъ былъ, такъ сказать, въ почетномъ плѣну.

„Странно! думалъ Маіоръ, что эти дикіе столь хорошо разумѣютъ правила и основанія войны. Кто бы могъ подумать, чтобъ они знали правило великаго и божественнаго Густава Адольфа, что посланникъ долженъ быть вмѣстѣ и посланникомъ и шпіономъ!“ Вычистивъ свое вооруженіе, онъ сѣлъ спокойно и началъ

щитать, сколько половина доллара на день составить въ теченіи шести мѣсячной кампаніи.—Когда же рѣшилъ сію проблему, то занялся глубокомысленнымъ разсужденіемъ о томъ, какъ построить въ ордеръ баталіи корпусъ войска изъ двухъ тысячь человѣкъ, по правиламъ извлеченія квадратнаго корня.

Далжетти весьма пріятнымъ образомъ выведенъ былъ изъ размышленія звукомъ колокольчика, увѣдомлявшаго объ обѣдѣ, и Монтаньяръ, стерегтій дверь его, изъ часоваго сдѣлался теперь провожатымъ. Онъ проводилъ его въ залу, гдѣ столъ, накрытый для четы-

рехъ особъ, со множествомъ прекрасныхъ кушаньевъ, служилъ очевиднымъ доказательствомъ гостепріимства господъ замка. Сиръ Дунканъ вскорѣ вошелъ въ сопровожденіи своей супруги, высокой и сухощавой женщины, одѣтой въ траурное платье, и казавшейся въ глубокой задумчивости. За ними шелъ Пресбитеріанскій Священникъ, одѣтый въ Женевскую свою мантію и имѣвшій на головѣ черную шелковую скуфью, которая столь близко прикрывала короткіе его волосы, что ни одного волоска не льзя было примѣтить. И такимъ образомъ уши, наслаждавшіяся полною свободою, возвышаясь гор-

дымъ образомъ близъ скуфьи, казались самою отличительною чертою его физіономіи. Сія не красивая мода была въ ту эпоху во всеобщемъ употребленіи, и частію дала поводъ къ названію *кругло-головыхъ собакъ*, длинноухихъ, и другимъ ругательнымъ прозвищамъ, которыми наглость Кавалеровъ или Роялистовъ щедро награждала политическихъ ихъ враговъ.

Сиръ Дункаnъ представилъ Маіора своей супругѣ, которая на военный поклонъ его отвѣчала безмолвнымъ и холоднымъ поклономъ, о коемъ не льзя было сказать, отъ гордости ли оный происходилъ, или отъ печали. Священникъ же, которому Маі-

оръ былъ потомъ рекомендованъ, взглянулъ на него съ видомъ презрѣнія и вмѣстѣ любопытства; но Далжетти, привыкшій сносить непріятные взоры и отъ опаснѣйшихъ для себя людей, весьма мало заботился о взглядахъ Священника и гжи, тѣмъ болѣе, что всѣ его способности заняты были въ сію минуту превосходнсю частію говядины, дымившеюся на одномъ концѣ стола. Онъ пожиралъ ее глазами и сгаралъ отъ нетерпѣнія сдѣлать къ ней приступъ; но однако же принужденъ былъ отложить оный до конца весьма длинной молитвы. При каждой остановкѣ Маіоръ бралъ ножикъ и вилку,

и потряхивалъ ими какъ бы шпагою или копьемъ, приготовляясь къ сраженію. Но, къ нещастію, каждый разъ принужденъ былъ класть оружіе при голосѣ многорѣчиваго проповѣдника, начинавшаго другой стихъ. Сиръ Дунканъ слушалъ его съ пристойнымъ видомъ; хотя и думали, что онъ присоединился къ сообщникамъ Конвента болѣе изъ преданности своему начальнику, нежели изъ истинной ревности къ сторонѣ независимыхъ, или къ Пресбитеріанскому исповѣданію. Одна только супруга его слушала молитву съ истиннымъ вниманіемъ и глубокимъ благоговѣніемъ.

Все время обѣда прошло въ Пиѳагорическомъ безмолвіи; ибо Маіоръ не имѣлъ обычая дѣйствовать языкомъ, когда зубы его были заняты, и жертвовать полезнымъ—пріятному.

Сиръ Дунканъ также хранилъ молчаніе, а жена его и Священникъ сказали только нѣсколько словъ другъ другу, и то тихонько, во все продолженіе обѣда.

Но когда подали десертъ и напитки: то Маіоръ, не имѣвшій болѣе причины хранить молчаніе, началъ скучать безмолвіемъ компаніи; и чтобы завесть разговоръ, возвратился къ любимому своему предмету, сдѣлавъ

опять нападеніе на своего хозяина.

— „Я долженъ вамъ признаться, Сиръ Дунканъ,“ вскричалъ онъ, „что пригорокъ Друмснабъ, превышающій вашъ замокъ, у меня изъ головы не выходитъ. Намъ надобно непремѣнно переговоришь на щешъ редуша, который слѣдуешъ шамъ соорудишь, и условиться, какіе должны бышь углы онаго, острые или шупые. Я увѣренъ, что вы съ удовольствіемъ выслушаете доказательства великаго Фельдмаршала Банніера, въ разсужденіи сего предмета, прошивъ Генерала Іифенбаха, во время перемирія.“

—„Маіоръ,“ ошвѣчалъ сша-

рый рыцарь самымъ сухимъ тономъ; „мы — Монтаньяры — совсѣмъ не имѣемъ обычая входить въ споры о военномъ искусствѣ съ иностранцами. Этотъ замокъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ теперь находится, можетъ сопротивляться и многочисленнѣйшему войску, нежели какое нещастные воины, оставленные нами въ Дарлинварахѣ, могутъ когда либо выставить."

Жена его глубоко вздохнула, услыша сей отвѣтъ, который, казалось, напоминалъ ей о какомъ-нибудь горестномъ случаѣ.

—„Кто даровалъ, тотъ и отнялъ, сударыня" сказалъ Священникъ торжествен-

нымъ голосомъ, обращаясь къ ней: „говорите всегда, да будетъ благословенно Имя Его!"

На сіи слова, которыя къ ней одной относились, гжа отвѣтствовала столь униженнымъ наклоненіемъ головы, что и Далжетти сіе замѣтилъ. Предполагая, что она теперь расположена говорить, онъ рѣшился попробовать вступить съ нею въ разговоръ.

— „Весьма свойственно," сказалъ онъ ей, „особѣ вашего пола, сударыня, придти въ безпокойство отъ одного слова о приготовленіяхъ къ войнѣ; и я замѣтилъ, что то же самое дѣйствіе

производитъ сіе надъ женщинами всѣхъ націй и почти всѣхъ состояній. Однако же въ древнія времена Пентезилея, а въ новѣйшія Жанна д'Аркъ и другія, совсѣмъ были отличнаго рода. Я помню, что слышалъ въ то время, какъ былъ въ службѣ у Испанцевъ, будто бы Герцогъ д'Альбъ имѣлъ въ арміи своей цѣлый баталіонъ изъ женщинъ, которыя имѣли Офицеровъ своего полу, и коихъ главный начальникъ назывался по Нѣмецки Hureweibler, что по нашему значитъ Капитанъ надъ дѣвками. Правда, что ихъ ни въ какомъ случаѣ не льзя смѣнить съ вами, сударыня; ибо они были изъ числа тѣхъ тварей

quae quaestum corporibus faciunt, какъ мы въ Аберденской школѣ Марешаля говаривали про Анну Дрошьель;— Французы называютъ ихъ courtisanes, а мы по Шотландски называемъ. . ."

—„Жена моя проситъ васъ не продолжать сихъ изъясненій," сказалъ Сиръ Дункань съ сухостію; а Священникъ прибавилъ, „что подобныя рѣчи, несносныя даже и въ казармахъ, занимаемыхъ наглыми солдатами, весьма непристойны были за столомъ знатнаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ присутствіи почтенной дамы.

—„Простите меня Domine или Докторъ, aut quocunque

alio nomine gaudes (ибо вамъ надобно знать, что я также учился словесности)," возразилъ храбрый посланникъ, наливши себѣ большой покалъ вина; „но ваши упреки нахожу я не совсѣмъ основательными; ибо я не съ тѣмъ говорилъ о тѣхъ turpes personae, коихъ занятія и нравы не могутъ быть предметомъ, пристойнымъ для разговора съ Милади, но только per accidens, или лучше сказать, per confirmationem того, что я говорилъ, то есть, что ихъ храбрость и природная смѣлость, безъ сомнѣнія усугубленная родомъ жизни сихъ. . ."

—„ Прошу извинить, Г.

Маіоръ," сказалъ Сиръ Дункань, опять прерывая его; „мнѣ надобно сегодни вечеромъ кончить одно дѣло, чтобъ быть въ состояніи проводить васъ завтра въ Инверрари. И такъ я надѣюсь . ."

—„Завтра!" повторила жена его печальнымъ голосомъ;" вѣрно ты сего не сдѣлаешь, Сиръ Дунканъ! Развѣ ты забылъ, что завтра у насъ печальный день годоваго поминовенія,—священной и печальной церемоніи?"

—„Не забылъ," отвѣчалъ Сиръ Дунканъ. „Увы! могу ли когда-либо забыть день сей? Но необходимо должно, чтобъ сей чиновникъ немедленно ѣхалъ въ Инверрари."

—„Конечно такъ; — но почему же ты самъ обязанъ съ нимъ ѣхать?"

—„Гораздо лучше, если я это сдѣлаю. Однакоже могу написать къ Маркизу и пріѣхать туда послѣ завтра. Г. Маіоръ! я вручу вамъ письмо, въ которомъ изъясню Маркизу Аржилю причины, для коихъ вы посланы, и то лицо, которое вы представляете. Приготовьтесь выѣхать завтра утромъ, и люди, долженствующіе сопровождать васъ, также будутъ готовы."

—„Сиръ Дунканъ," возразилъ Далжетти, „вы властны поступить въ семъ случаѣ, какъ вамъ угодно. Только прошу васъ не позабыть,

какое пятно будетъ для имени вашего, если случится, что полномочный посланникъ потерпитъ какое - нибудь оскорбленіе, clam, vi vel precario; я не говорю, чтобъ это произошло отъ воли вашей, но потому, что вы не приняли всѣхъ предосторожностей, предписываемыхъ благоразуміемъ."

—„Честь моя за васъ порукою, государь мой," сказалъ Сиръ Дунканъ, „и этого довольно, чтобъ вы могли быть увѣрены въ своей безопасности. Теперь же," присовокупилъ онъ вставая, „пришло время, въ которое мы уходимъ въ свои комнаты, и я первый подалъ вамъ примѣръ."

—Далжетти, видя себя въ необходимости поспѣшно снять осаду, умѣлъ однако же, какъ искусный Генералъ, воспользоваться краткимъ временемъ, ему остававшимся. — „Имѣя честное слово ваше за себя порукою," сказалъ онъ, наливши себѣ стаканъ, „я пью за здоровье ваше, Сиръ Дунканъ, и за благоденствіе знаменитой вашей фамиліи!" Старый рыцарь, вмѣсто отвѣта, испустилъ глубокій вздохъ. Опорожнивъ свой стаканъ, и наливши оный съ невѣроятною поспѣшностію, Капитанъ присовокупилъ: „за ваше здоровье, Миледи! и за исполненіе всѣхъ вашихъ благородныхъ желаній." —И за ва-

те также mio padre; (обращаясь къ Священнику) „наливаю покалъ сей въ благодарность за ваше ко мнѣ вниманіе)! (я не забылъ присовокупить дѣйствія къ словамъ) „Да погаситъ вино сіе всякую вражду между вами и Маіоромъ Далжетпіемъ; а такъ какъ въ бутылкѣ не остается болѣе одного стакана: то я выпью за здоровье храбрыхъ солдатъ и Офицеровъ всѣхъ странъ свѣта. Теперь же, когда бутылка пуста, я готовъ, Сиръ Дункавъ, слѣдовать за стражемъ вашимъ или часовымъ, и возвратиться въ свой лагерь!"

Онъ получилъ формальное позволеніе удалиться, и

сверхъ того обѣщаніе, что такъ какъ вино казалось по его вкусу, то ему тотчасъ же принесутъ другую бутылку такого же рода, чтобы ему не такъ было скучно въ уединеніи.

Лишь только Маіоръ возвратился въ свою комнату, какъ обѣщаніе сіе было исполнено; а немного спустя — прибытіе пирога съ дичиною заставило его весьма терпѣливо сносить свое пустынничество и удаленіе отъ общества. Тотъ же слуга, который принесъ ему сей небольшой полдникъ, подалъ ему запечатанный пакетъ, завязанный шелковиною, по обычаю тогдашняго времени, и адресованный съ соб-

люденіемъ самой почтительнѣйшей формы: „высокому и могущественному Князю Аршибальду, Маркизу Аржилю, Графу и владѣтелю Лорна и прочихъ мѣстъ, и проч., и проч., и проч."

Слуга увѣдомилъ его въ то же время, что провожатые его, завтра рано поутру, готовы будутъ къ отъѣзду въ Инверрари, куда депеши Сиръ Дункана, послужатъ ему вмѣстѣ и рекомендательнымъ письмомъ и паспортомъ.

Не забывая, что ему особенно поручено было, собрать всевозможныя свѣдѣнія, и сверхъ того, любопытствуя, знать причины, возпрепятствовшія Сиръ

Дункану лично сопровождать его, Маіоръ нашъ со всею осторожностію, какую внушала ему опытность, спросилъ слугу: какое обстоятельство удерживало господина его на завтрашній день въ замкѣ? Сей послѣдній, бывшій изъ Нижнихъ земель, и сверхъ того говорившій по Шотландски, отвѣчалъ, что Сиръ Дунканъ и супруга его имѣли обыкновеніе ежегодно проводить въ постѣ и торжественной молитвѣ тотъ день, въ который замокъ ихъ былъ нечаянно взятъ, а четверо дѣтей безжалостно умерщвлены шайкою горныхъ Флибустировъ, въ то время, какъ Сиръ Дунканъ вмѣстѣ съ Маркизомъ Аржи-

лемъ сражался съ Макъ Леанами на островѣ Муллѣ.

—„Эка дьявольщина!" подхватилъ Далжетти, „и въ самомъ дѣлѣ господа твои имѣютъ справедливую причину молиться и поститься; только мнѣ кажется и перваго было бы довольно! Однакожъ я почти утвердительно могу сказать, что съ нимъ не случилось бы сего нещастья, еслибъ Сиръ Дунканъ послѣдовалъ совѣту какого-нибудь опытнаго Капитана, знающаго искусство защищать крѣпости, и приказалъ построить редутъ на пригоркѣ, находящемся по лѣвую сторону подъемнаго моста; я легко могу это тебѣ доказать: предполо-

жимъ, что пирогъ сей есть замокъ. . . Какъ тебя зовутъ, другъ мой?

—„Лоримеромъ, сударь."

—„За твое здоровье, честной Лоримеръ! И такъ, другъ мой, говорю я, предположимъ, что пирогъ есть крѣпость, которую мы должны защищать, а эта бутылка..."

—„Я весьма сожалѣю, сударь," сказалъ Лоримеръ, прервавъ его, „что не могу остаться здѣсь и слышать окончаніе вашего доказательства. Сей часъ зазвонятъ въ колоколъ. Достопочтенный Г. Грангангулъ, духовникъ Маркиза Аржиля, будетъ сегодни служить и говорить проповѣдь въ церквѣ замка. А такъ какъ изъ числа те-

стидесяти человѣкъ, живущихъ въ домѣ, только семеро знаютъ по Шотландски: то весьма будетъ стыдно, если хотя одинъ изъ насъ тамъ не будетъ. — Отсутствіе мое навлечетъ на меня неудовольствіе госпожи. Вотъ вамъ, сударь, трубка и табакъ; если же чего-нибудь еще пожелаете: то вамъ принесутъ чрезъ два часа по окончаніи молитвы." Сказавъ сіе, онъ ушелъ.

Лишь только онъ вышелъ, какъ колоколъ замка печальнымъ звономъ своимъ возвѣстилъ, что время уже собираться въ церковь; и вскорѣ потомъ Маіоръ услышалъ визглявые голоса женщинъ, и грубые, но не менѣе прон-

зительные голоса мущинъ, говорившихъ по Ирландски гортанью. Всѣ бѣжали съ разныхъ сторонъ чрезъ длинный и узкій корридоръ, который сообщался со многими комнатами, а въ томъ числѣ и съ тою, гдѣ былъ Даложетти.

—„Всѣ бѣгутъ, какъ будто бы ударили тревогу!" подумалъ онъ. „Если они идутъ въ церковь, то и я пойду прогуляюсь, а между тѣмъ сдѣлаю свои замѣчанія на щетъ слабыхъ мѣстъ крѣпости."

И въ самомъ дѣлѣ, когда все утихло, и онъ не слыхалъ болѣе ни малѣйшаго шуму, то, отворивъ дверь своей комнаты, прошелъ уже нѣсколько шаговъ, какъ

вдругъ увидѣлъ пріятеля своего Монтаньяра съ сѣкирою, который подходилъ къ нему съ другаго конца коридора, насвистывая Гальскую пѣсню. Показаться въ подобномъ случаѣ смѣшавшимся, было бы въ одно время противно политикѣ и недостойно его военнаго званія. Почему Маіоръ нашъ не тотчасъ сдѣлалъ на право кругомъ; но принялся свистать гораздо громче часоваго, а потомъ тихими шагами, положивъ крестообразно руки за спину, сталъ удаляться съ равнодушнымъ видомъ, какъ будто бы для того только, чтобъ подышать воздухомъ. Такимъ образомъ, вошедши въ свою комнату и,

видя часоваго въ нѣсколькихъ отъ себя шагахъ, онъ хлопнулъ дверью.

Будучи принужденъ сидѣть въ заперти, благодаря бдительности стража своего, нашъ Ротмистръ провелъ весь вечеръ, дѣлая тактическія вычисленія, которыя отъ времени до времени прерывалъ нападеніемъ на пирогъ и бесѣдою съ бутылкою, до тѣхъ поръ, пока не пришло время ложиться спать.

На другой день, на самомъ разсвѣтѣ, онъ разбуженъ былъ Лоримеромъ, пришедшимъ сказать ему, что послѣ завтрака, (для коего онъ принесъ ему нужную провизію), провожатые готовы

были ему сопутствовать. Похваливши совѣтъ Лоримера, которому тотчасъ спѣшилъ послѣдовать, Маіоръ приготовился къ отъѣзду. Проходя чрезъ комнаты, онъ замѣтилъ, что слуги обивали большую гостиную чернымъ сукномъ: „я видѣлъ подобную церемонію,“ сказалъ онъ, „когда безсмертный Густавъ Адольфъ положенъ былъ на парадный свой одръ въ замкѣ Волгастѣ; и потому думаю, что это есть знакъ самаго строгаго и глубокаго траура.“

Когда Далжетти сѣлъ на лошадь, то его окружили пятеро или шестеро хорошо вооруженныхъ Кампбелей,

которые должны были сопровождать, или лучше сказать, стеречь его. Ими предводительствовалъ человѣкъ, который по щиту, висѣвшему на плечѣ его, плюмажу изъ пѣтушьихъ перьевъ, осѣнявшему его картузъ, важному виду, а наиболѣе по гордой и благородной осанкѣ доводился братомъ Сиръ Дункану по крайней мѣрѣ въ десятомъ или двѣнадцатомъ колѣнѣ *). Но

---

*) Во всѣхъ почти Шотландскихъ племенахъ каждый простолюдинъ щитаетъ себя за родственника начальнику, и часто выводитъ родство свое въ 50 колѣнѣ.

Прим. Перев.

Маіору никакъ не льзя было навѣрное узнашь ни о семъ, ни одругомъ какомъ-либо предметѣ, потому что ни начальникъ, ни солдаты не говорили ни слова по Англійски.

Хотя Далжетти ѣхалъ верхомъ, а провожатые его шли пѣшіе; но они столь были проворны, а препятствія, прошивуполагаемыя природою на каждомъ шагу нещасшной его лошади, столь были велики, что вмѣсто того, чтобъ быть задержаннымъ медленностію ихъ шествія, онъ самъ съ трудомъ могъ за ними поспѣвать. Они не спускали съ него глазъ, какъ бы опасаясь, чтобъ онъ не покусился бѣжать; и од-

нажды, когда Маіоръ отсталъ немного при переправѣ въ бродъ черезъ ручей, одинъ изъ любезныхъ его спутниковъ взвелъ курокъ у ружья своего; изъ чего онъ заключилъ, что подвергнется большой опасности, если вздумаетъ отъѣхать въ сторону.

Далжетти не выводилъ ничего хорошаго изъ бдительности, съ какою его сохраняли; но этого не льзя было перемѣнить; ибо покуситься на бѣгство въ незнакомой и почти непроходимой сторонѣ была бы почти съ его стороны не послѣдняя глупость. Онъ продолжалъ проѣзжать съ терпѣніемъ дикія и безплодныя

степи, слѣдуя по тропинкамъ, извѣстнымъ только однимъ пастухамъ, пасшимъ тамъ стада, и почти не примѣчая живописныхъ мѣстоположенiй, которыя привлекаютъ туда изъ всѣхъ частей Англiи множество любителей, прiѣзжающихъ насытить взоры свои величественнымъ зрѣлищемъ Шотландскихъ горъ и утруждать челюсти грубою пищею Монтаньяровъ. Наконецъ они прибыли на берегъ прекраснаго озера, близъ коего находится Инверрари. Начальникъ провожатыхъ потрубилъ въ рогъ, и при семъ сигналѣ шлюбка, хорошо снаряженная, вышла изъ небольшаго залива, въ коемъ была

скрытая. Маіоръ и спутники его помѣстились въ оную, а также и Густавъ, который, будучи опытнымъ путешественникомъ на сухомъ пути и на водѣ, вошелъ въ шлюпку съ совершеннымъ хладнокровіемъ.

При переѣздѣ чрезъ озеро, Делженти могъ бы полюбоваться однимъ изъ величественнѣйшихъ видовъ натуры. Двѣ рѣки соперницы, Арай и Шире, вытекали и та и другая изъ нѣдръ общаго ихъ убѣжища — средины мрачныхъ лѣсовъ, чтобъ заплатить озеру дань водъ своихъ. На равной и постепенной отлогости берега возвышался замокъ съ своими башнями и зубчатыми

стѣнами: — памятникъ благородной и готической простоты, представлявшій взору гораздо живописнѣйшее зрѣлище, нежели огромный и единообразный дворецъ, его замѣнившій. Густые лѣса окружали сіе прекрасное жилище, и простирались на нѣсколько миль разстоянія; а утесъ Дуникуахъ, который казался изходящимъ изъ глубуны озера, до облаковъ возвышавшійся, величественно царствовалъ надъ окрестностями, между тѣмъ какъ уединенный маякъ, вѣнчавшій его средину, дѣлалъ картину сію еще важнѣе, возбуждая мысль объ опасности.

Такова-то была часть пре-

лестной картины, кото-рую Далжетти могъ бы разсматривать, если бъ хотѣлъ, что Маіоръ, ничего не ѣвшій съ самаго разсвѣта, но слишкомъ былъ разположенъ удивляться красотамъ природы: видъ дыму, выходившаго изъ трубъ каминовъ замка, который, казалось, увѣдомлялъ ого о приготовленіи превосходнаго обѣда, занималъ его въ сію минуту несравненно болѣе; — и на сей-то приманчивый предметъ устремлены были и взоры его и мысли.

Шлюбка скоро приближилась къ засыпи, раздѣлявшей озеро отъ маленькаго городка Инверрари, который былъ тогда ничто иное, какъ гру-

бое сборище хижинъ, перемѣшанныхъ съ нѣсколькими каменными домами; но только ихъ было весьма мало.

Городъ простирался, начиная съ береговъ озера, до главныхъ воротъ замка, передъ коими путешественники наши примѣтили зрѣлище, могшее поразить ужасомъ душу и нервы, не столь мужественные, нежели какія имѣлъ Ротмистръ Дюгальдъ Далжетти Друмтваккетъ.

ГЛАВА XIII.

„Actif et turbulent, non moins qu'ambitieux
„Son esprit se nourrit de projets tortueux
„Il change à chaque instant de principe et de place
„Et ne sait supporter ni succés ni disgràce."

Absalon et Achitophel.

Деревня Инверрари, сдѣлавшаяся теперь прекраснымъ провинціальнымъ городомъ, напоминала тогда объ эпохѣ, въ которую была построена, — бѣдною наружностью зданій и неправильностью улицъ, которыя не

были даже вымощены. Но ничто столь сильно и ужасно не показывало нравовъ того вѣка, какъ зрѣлище, представлявшееся на площади, находившейся между гаванью или засыпью, и воротами замка, коего мрачные своды, желѣзныя рогатки и толстыя стѣны ограничивали съ сей стороны горизонтъ. На срединѣ сей обширной и неправильной площади возвышалась висѣлица, на коей повѣшено было пятеро нещастныхъ. Двое изъ нихъ по платью своему казались жителями Нижнихъ земель; остальные же трое были въ костюмѣ Монтаньяровъ. Двѣ или три женщины, сидя подъ висѣлицею, казались оплаки-

вающими смерть ихъ, и тихо пѣли погребальныя пѣсни. Но зрѣлище сiе слишкомъ часто было возобновляемо, и потому не возбуждало почти никакого участiя въ жителяхъ, которые, толпясь вокругъ Далжеттiя и разсматривая военный мундиръ его, блестящее вооруженiе и любезнаго его Густава, казалось, ни малѣйшаго вниманiя не обращали на ужасную сцену, бывшую предъ ихъ глазами.

Посланникъ Монтроза не совершенно раздѣлялъ ихъ равнодушiе, и услыша нѣсколько словъ, произнесенныхъ по Англiйски однимъ изъ Монтаньяровъ довольно хорошей наружности, онъ

тотчасъ остановился и сказалъ ему:

—„Кажется, что великій судья здѣсь изрядно потрудился! Могу ли васъ спросить, за какое преступленіе казнены сіи нещастные?“

Говоря сіе, онъ показалъ рукою на висѣлицу, и Монтаньяръ, понявши то, что онъ хотѣлъ сказать, болѣе по движенію его, нежели изъ словъ, отвѣчалъ немедленно: „о! это трое дворянъ изъ Монтаньяровъ: Богъ да помилуетъ ихъ! А другіе двое бездѣльники Сассенаши, не хотѣвшіе исполнить приказаній Макъ Каллюмора!“ Сказавъ сіе, Монтаньяръ продолжалъ путь свой съ хладнокровнымъ видомъ, не до-

жидаясь другихъ вопросовъ.

Далжеттія подралъ морозъ по кожѣ, но однакоже онъ опять пустился въ путь; ибо родственникъ Сиръ Дункана въ 10 или 12 колѣнѣ, началъ оказывать знаки нетерпѣнія.

Другой ужасный примѣръ феодальной власти ожидалъ ихъ у воротъ замка. Среди полиссада, недавно сдѣланнаго, защищаемаго двумя легкими артиллерійскими орудіями, находилась огромная плаха, на коей лежалъ топоръ. Онъ былъ окровавленъ, а куча песку, насыпаннаго вокругъ плахи, едва закрывала слѣды недавно совершенной казни.

Между тѣмъ какъ Далжетти смотрѣлъ на сей новый предметъ ужаса, начальникъ провожатыхъ дернулъ его за руку. Возбудивъ такимъ образомъ его къ себѣ вниманіе, онъ указалъ пальцемъ на шестъ, утвержденный надъ палисадомъ, на острее коего взоткнута была человѣческая голова, безъ сомнѣнія того нещастнаго, котораго кровь орошала еще орудіе смерти. Монтавьяръ, давшій ему замѣтить сіе страшное зрѣлище, злобно усмѣхнулся, что показалось товарищу его путешествія весьма дурнымъ предзнаменованіемъ.

У воротъ замка Далжетти сошелъ съ лошади, и Гу-

става увели, не позволивши ему идти за нимъ въ конюшню, какъ онъ всегда дѣлалъ до сего времени. Это обстоятельство сдѣлало впечатлѣнія надъ нашимъ Ротмистромъ, нежели всѣ признаки смерти и разрушенія.

—„Бѣдный Густавъ!“ подумалъ онъ, „что съ нимъ будетъ, если со мной случится какое-нибудь нещастіе?“ Начинаю думать, что лучше бъ сдѣлалъ, оставивъ его въ Дарнлинвараxѣ; ибо сіи проклятые дикіе едва умѣютъ различать лошадиную голову отъ хвоста; sacrament! если когда-либо...

Тутъ провожатый прервалъ сильныя его выраженія, давши ему знакъ слѣдовать

за собою въ нѣкоторой родъ караульни, наполненной множествомъ солдатъ Монтаньяровъ; ему дали разумѣть, что онъ долженъ оставаться здѣсь до того времени, пока о пріѣздѣ его не доложатъ Маркизу. Чтобы увѣриться въ благосклонномъ пріемѣ, Маіоръ отдалъ любезному родственнику Лерда Арденвора письмо, ввѣренное ему симъ послѣднимъ, стараясь изъяснить знаками, чтобъ оное вручено было Маркизу въ собственныя руки. Провожатый, употребляя сей же безмолвный родъ разговора, отвѣчалъ ему, что исполнитъ его приказанія — и удалился.

Маіоръ остался въ кара-

ульнѣ около получаса, подверженъ будучи дерзскимъ и наглымъ взорамъ солдатъ, для коихъ видъ и костюмъ его были столько же любопытны, сколько особа его и отечество казались имъ ненавистны. Дажештои, примѣтя пустой стулъ, спокойно разположился на ономъ, и не обращая вниманія на ихъ наглость, принялся насвистывать маршъ, до того времени, пока одинъ человѣкъ, одѣтый въ черное бархатное платье, съ золотою цѣпью на шеѣ, подобно какъ нынѣшніе Эдимбургскіе судьи, но который въ самомъ дѣлѣ былъ только лишь дворецкой дому Маркиза Аржиля, не вошелъ съ торжествен-

ною важностью и не пригласилъ Маіора за собою слѣдовать, объявилъ ему, что господинъ готовъ былъ принять его.

Множество комнатъ, чрезъ кои его проводили, были наполнены лакеями, стражами и разноклассными чиновниками, собранными тутъ, можетъ быть, изъ хвастовства, чтобы внушить посланнику Монтроза высокую мысль о могуществѣ дому Аржиля, и доказать ему, сколько оный превосходилъ властію и великолѣпіемъ своимъ домъ Монтроза. Передняя набита была лакеями въ богатыхъ ливреяхъ, которые, будучи поставлены въ два ряда, въ безмолвіи смотрѣ-

ли на Маіора, между шѣмъ какъ онъ проходилъ между ними. Въ другой залѣ находились начальники Монтаньяровъ, забавлявшіеся игрою въ шашки, въ трикшракъ и другими играми, отъ которыхъ отвращили вниманіе свое шолько для шого, чтобы бросить гордый взглядъ на вошедшаго иностранца. Третья комната занята была Офицерами и дворянами Нижнихъ земель; а наконецъ въ залѣ аудіенціи находился самъ Маркизъ, окруженный блистательнымъ дворомъ, который для того назначенъ былъ, чтобъ еще болѣе показать величіе его и могущество.

Сія комната, коей створ-

чатыя двери отворились для принятія Маіора Далжеттія, была длинная галлерея, украшенная дорогими обоями и фамильными портретами. Плафондъ оной со сводами, составленъ былъ изъ карнизовъ, ярко вызолоченныхъ. Она освѣщалась посредствомъ длинныхъ готическихъ оконъ, коихъ стекла съ трудомъ пропускали солнечные лучи сквозь кобаньи головы, галеры, жезлы и мечи, на нихъ нарисованныя: это былъ гербъ дому Аржиля и эмблемы наслѣдственныхъ высокихъ достоинствъ, великаго Судьи Шотландіи и Гросмейстера Королевскаго дома, коими оный долгое время пользовался. Въ концѣ сей велико-

лѣпной галлереи находился самъ Маркизъ, окруженный господами, богато одѣтыми, въ числѣ коихъ были двое или трое чиновъ духовнаго сословія, призванные можетъ быть для того, чтобъ быть свидѣтелями усердія его къ Конвенту.

Маркизъ одѣтъ былъ по тогдашней модѣ, которую столь часто рисовалъ; но одежда его, хотя и богатая, однако же была темнаго цвѣта и весьма проста. По занятому виду, наморщенному лбу и глазамъ, непрестанно устремленнымъ въ землю, — Маркиза можно было признать за человѣка, часто предающагося глубокимъ раз-

мышленіямъ, и пріобрѣтши отъ долговременной привычки видъ важный и таинственный, котораго не могъ покинуть даже и тогда, когда не имѣлъ ничего скрытнаго. Онъ былъ высокъ и сухощавъ; но сей ростъ ни мало отнималъ благородства у его движеній. Въ пріемѣ Маркиза было нѣчто холодное, а во взорѣ коварное; однакоже онъ изъяснялся съ пріятностью и ловкостью, какъ слѣдовало человѣку столь высокаго достоинства. Будучи обожаемъ своимъ племенемъ, коего власть и привиллегіи непрестанно старался увеличивать, Маркизъ ненавидимъ былъ прочими колѣнами Монтаньяровъ, изъ

коихъ одни уже были лишены имъ своихъ владѣній, между тѣмъ какъ другіе боялись подвергнуться тому же жребію, и съ завистію взирали на высокую степень, на которую онъ былъ возведенъ.

Мы уже сказали, что, показавшись среди Совѣтниковъ и Чиновниковъ своего дома и многочисленной свиты союзниковъ и подданныхъ, Маркизъ Аржиль хотѣлъ безъ сомнѣнія сдѣлать впечатлѣніе надъ нервическою системою посланника Монтроза; но Далжетти, переходя отъ одной стороны къ другой, совершилъ большую часть тридцатилѣтней войны въ Германіи, въ шу

эпоху, когда храбрый солдатъ былъ товарищемъ Монархамъ. Король Шведскій, а по примѣру его и самые гордые Имперскіе Князья, часто бывали въ необходимости отступать отъ своего достоинства, и когда не могли платить своимъ солдатамъ, удерживать ихъ въ своей службѣ, лаская ихъ гордости, давая имъ странныя привиллегіи и обращаясь съ ними фамиліарно.—Маіоръ могъ похвалиться, что обѣдывалъ съ величайшими изъ Государей, — и потому неспособенъ былъ придти въ робость отъ пышности, коею окружалъ себя Макъ Каллюморъ. Но сверхъ того Далжетти отъ приро-

ды былъ человѣкъ не застѣнчивый, и имѣлъ столь хорошее о себѣ самомъ мнѣніе, что въ какой бы компаніи ни находился, всегда почиталъ себя на своемъ мѣстѣ, возвышая себя мысленно до степени тѣхъ особъ, къ коимъ былъ допускаемъ; и такимъ образомъ онъ былъ столько же развязанъ посреди самаго знатнаго сословія, какъ посреди обыкновеннаго круга своихъ товарищей. Наиболѣе укрѣпляли его въ высокомъ мнѣніи о самомъ себѣ — идеи о военномъ званіи, благодаря коему, говорилъ онъ: „храбрый рыцарь могъ почитать себя наровнѣ съ Императоромъ."

Слѣдовательно мы не уди-

вимся тому, что онъ вошелъ въ галлерею безъ малѣйшаго замѣшательства; прошелъ оную болѣе съ самоувѣренностью, нежели съ ловкостью, и подошелъ къ Аржилю столь близко для разговора съ нимъ, что Маркизъ принужденъ былъ отступить нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ оставить между собою и посланникомъ Монтроза пристойное разстояніе. Маіоръ сдѣлалъ военный поклонъ съ совершенною непринужденностью; а потомъ, обратясь къ Маркизу, вскричалъ: „здравствуйте, Милордъ!-Хотя право не знаю, съ добрымъ ли днемъ или съ добрымъ вечеромъ долженъ я васъ теперь поздравить;

beso a usted los manos, говорятъ Испанцы."

—„Кто вы таковы, государь мой? и за какимъ дѣломъ пришли сюда?" спросилъ Маркизъ тономъ, способнымъ прекратить оскорбительную фамиліарность посланника.

—„Сіи два вопроса весьма справедливы и натуральны, Милордъ," возразилъ Далжетти; „и я стану отвѣчать на оные какъ слѣдуетъ храброму воину, и единственно peremptoirè, какъ мы говаривали въ школѣ Марешаля."

—„Спроси, Неаль, что онъ за человѣкъ и чего хочетъ?" сказалъ Маркизъ твердымъ

голосомъ одному изъ своихъ придворныхъ.

—„Прошу васъ, государь мой не безпокоиться! — Я вамъ сей часъ скажу это, Милордъ,“ возразилъ Маіоръ съ величайшимъ хладнокровіемъ „сей человѣкъ — есть Дюгальдъ Далжетти, владѣтель Друмтваккета, бывшій Ротмистръ въ службѣ разныхъ Державъ, а теперь Маіоръ—Богъ знаетъ—какого-то Ирландскаго полка. — Я пришелъ какъ чрезвычайный посланникъ высокаго и сильнаго господина, Жамеса Графа Монтроза и другихъ знаменитыхъ начальниковъ, взявшихъ теперь оружіе для защищенія Его Величества;

и потому, да здравствуетъ Король Карлъ!"

—„Знаете ли вы, гдѣ вы находитесь, и съ кѣмъ говорите?" спросилъ опять Маркизъ:—осмѣливаясь отвѣчать мнѣ такимъ образомъ, какъ будто какому-нибудь ребенку или безумному. Графъ Монтрозъ теперь вмѣстѣ съ недовольными Англичанами; и я подозрѣваю, что вы изъ числа тѣхъ Ирландскихъ бродягъ, которые пришли разорять страну сію огнемъ и мечемъ;—и прежде они тоже сдѣлали подъ предводительствомъ Сира Фелима О'Неаля."

— „Милордъ," возразилъ Далжетти, „хотя я и Маіоръ Ирландскаго полку, но не

изъ тѣхъ людей, къ которымъ вы меня причисляте. За честь свою я могу представить порукою непобѣдимаго Густава Адольфа — Сѣвернаго Льва, Банніера, Оксенштерна, Герцога Саксенъ Веймарскаго, Тилли, Валленштейна, Пикколомини и другихъ великихъ военачальниковъ, изъ коихъ иные живы, а другіе уже и померли. Чтожъ касается до благороднаго Графа Монтроза, то прошу Ваше Превосходительство взглянуть на полномочіе, имъ мнѣ данное, чтобы трактовать съ вами именемъ сего знаменитаго начальника."

Маркизъ мелькомъ взглянулъ на предписанную бума-

гу за печатью, поданную ему Далжеттіемъ, и потомъ, бросивъ оную съ презрѣніемъ на столъ, спросилъ у господъ, его окружавшихъ, что заслуживаетъ человѣкъ, объявившій себя агентомъ измѣнниковъ, подъявшихъ оружіе противъ государства?"

— „Высокую висѣлицу и двѣ минуты для исповѣди!" отвѣчалъ тотчасъ одинъ изъ чиновниковъ.

—„Прошу почтеннаго господина, сей часъ говорившаго," возразилъ Далжетти, „не такъ поспѣшно дѣлать заключенія свои; а Ваше Превосходительство прежде подумать хорошенько, а потомъ уже слѣдовать онымъ, потому что такія угрозы

могутъ быть сдѣланы только подлому шпіону, а не храброму человѣку, который принужденъ подвергать жизнь свою опасности въ подобномъ сему порученіи, какъ будто бы въ сраженіи на приступѣ, или во время вылазки. Правда, что со мною нѣтъ ни трубы, ни бѣлаго знамени; ибо армія наша не совершенно еще снаряжена; но вѣрно и Ваше Превосходительство и почтенные господа придворные согласитесь, что званіе посланника, предлагающаго миръ или перемиріе, должно быть уважено безъ гласа трубы и безъ разпущеннаго знамени. Званіе посланника основывается на довѣренно-

сти, какую договаривающаяся сторона и депутатъ полагаютъ въ чести тѣхъ, къ которымъ относится посольство, и въ твердой увѣренности, что они уважатъ въ особѣ посланника jus gentium и права войны."

—„Вы не для того пришли сюда," сказалъ Маркизъ, „чтобъ учить насъ законамъ войны, которыхъ никогда не можно перемѣнить къ бунтовщикамъ и инсургентамъ; но для того, чтобъ понести наказаніе за дерзость, съ какою вы осмѣлились принести посланіе измѣнника Лорду, судьѣ Шотландіи, коего должность состоитъ въ томъ, чтобъ наказыватѣ смертію за такое оскорбленіе."

—„Господа!" сказалъ Маіоръ, начинавшій быть недовольнымъ своимъ посольствомъ,—„прошу васъ не забыть, что Графь Монтрозъ заставитъ и васъ и ваши имѣнія отвѣчать за то, что случится со мною, или съ моею лошадью отъ сихъ неслыханныхъ поступковъ, и что онъ будетъ имѣть право отмстить вамъ самымъ жестокимъ образомъ!"

Угроза сія принята была съ презрительною усмѣшкою, и одинъ изъ Кампбелей отвѣчалъ: „далеко до Лохова!" —Это была простонародная пословица, означавшая, что ихъ наслѣдственныя владѣнія были въ безопасности отъ нападенія непріятеля.

—„Но, государь мой!“ отвѣчалъ нещастный Маіоръ, не хотѣвшій допустить, чтобъ его осудили, не истощивши прежде всѣхъ средствъ краснорѣчія: „хотя и не мнѣ слѣдуетъ рѣшить, далеко ли, или близко до Лохова; ибо я не имѣю чести знать сего мѣста, — однако же надѣюсь, что вы позволите мнѣ сдѣлать замѣчаніе, которое особенно относится къ чести вашей фамиліи. Я нахожусь здѣсь подъ особеннымъ покровительствомъ благороднаго господина, носящаго ваше имя, Сиръ Дункана Кампбеля Арденвора, который поручился за мою безопасность и потому прошу васъ замѣтить, что если не

сдержите слова, имъ мнѣ даннаго: то сдѣлаете неизгладимое пятно на его чести и добромъ имени."

Казалось, что изъ присутствовавшихъ тутъ особъ многія ничего до сего времени о томъ не знали. Всѣ пришли въ волненіе; начали перешептываться; особенно Кампбели, казалось, совѣтовались другъ съ другомъ, — а Маркизъ Аржиль, не взирая на власть, какую имѣлъ надъ самимъ собою, показалъ на лицѣ своемъ знаки нетерпѣнія и гнѣва.

—„Не уже ли, Милордъ, Сиръ Дункаяъ Арденворъ отвѣчаетъ своею честію за безопасность сего человѣка?"

сказалъ одинъ изъ собранія, обращаясь къ Маркизу.“

—„Не думаю,“ отвѣчалъ сей послѣдній; — „но однако же я не имѣлъ еще времени прочесть письма его.“

—„Мы просимъ, Ваше Превосходительство, прочитать оное,“ сказалъ одинъ изъ Кампбелей; — „не должно допускать, чтобъ честь наша потерпѣла хотя малѣйшее оскорбленіе отъ такого товарища.“

—„Околѣвшая муха,“ сказалъ одинъ Священникъ, „производитъ дурной запахъ въ благовонномъ лекарствѣ аптекаря!“

—„Почтенный отецъ!“ возразилъ Маіоръ, „я прощаю вамъ непристойное ваше

сравненіе, потому что оно мнѣ благопріятствуетъ. По сей же причинѣ не откажусь и отъ презрительнаго названія товарища, коимъ честный господинъ въ красномъ картузѣ за благоразсудилъ величать меня; хотя и долженъ сказать, что названіе сіе ни по чему не можетъ мнѣ принадлежать, развѣ только въ томъ смыслѣ, какой давалъ оному Густавъ Адольфъ, Сѣверный Левъ и другіе знаменитые полководцы какъ въ Германіи, такъ и въ Голландіи, когда они называли меня своимъ сослуживцемъ. Чтожъ касается до рѣшительнаго объявленія моего, что Сиръ Дунканъ поручился за мою

безопасность: то я прозакладываю жизнь, что онъ самъ вамъ это подтвердитъ, когда завтра сюда прiѣдетъ."

—„Если рыцарь такъ скоро сюда будетъ," сказалъ одинъ изъ говорившихъ: „то мы дурно сдѣлаемъ, рѣшивъ такъ скоро участь сего бѣдняка."

—„По крайней мѣрѣ," сказалъ другой, „Ваше Превосходительство могли бы прежде сего прочитать письмо рыцаря Арденвора, и увидѣть изъ онаго, въ какомъ смыслѣ говоритъ онъ объ этомъ Маiорѣ Далжетти."

Тутъ они всѣ окружили Маркиза, и говорили между

собою тихо по Англійски и по Ирландски.

Патріархальная власть начальниковъ племянъ была весьма велика, а Маркиза Аржиля, имѣвшаго всѣ привиллегіи наслѣдственнаго судіи, совершенно неограниченна. И въ самыхъ деспотическихъ правленіяхъ существуетъ всегда нѣкоторое обузданіе честолюбія и тиранства. Ограниченіе могущества Цельтическихъ начальниковъ состояло въ необходимости сохранять къ себѣ доброе расположеніе дворянъ, не столь знатныхъ, которые подъ начальствомъ ихъ предводительствовали солдатами ихъ племянъ, составляя родъ частнаго совѣта

въ мирное время. — Маркизъ не могъ не уступить въ семъ случаѣ представленіямъ сего Сената, составленнаго изъ Кампбелей; и вышедши изъ средины его окружавшихъ, онъ приказалъ отвести плѣнника въ темницу."

—„Я племянникъ!" вскричалъ Далжетти, сопротивляясь нѣсколько минутъ какъ левъ, противъ двухъ сильныхъ Монтаньяровъ, которые подошли, чтобъ схватить его. Ему едва не удалось освободиться отъ рукъ ихъ, и сіе заставило Аржиля перемѣниться въ лицѣ: онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, и схватился за шпагу, между тѣмъ, какъ многіе изъ Кампбелей, готовые жертво-

вать жизнію за своего начальника, бросились между имъ и племянникомъ, котораго мщенія должны были страшиться.

Но двое Монтаньяровъ слишкомъ были сильны, чтобъ упустить свою добычу; и нещастный Маіоръ, будучи обезоруженъ, увлеченъ былъ наконецъ изъ галлереи. Стражи заставили его пройти многіе темные корридоры, и остановились передъ желѣзною рѣшеткою, которую начальникъ стражи отперъ самъ. Другая деревянная дверь, потомъ имъ отпертая, показала бѣдному Далжеттію узкую и крутую лѣстницу, ведущую въ подземелье. Стражи, столкнувши его грубымъ образомъ съ

двухъ или съ трехъ ступенекъ, выпустили потомъ изъ рукъ своихъ, и оставили идти ощупью до конца лѣстницы; что было не такъ-то легко и безопасно; ибо когда обѣ двери были заперты, то плѣнникъ остался въ совершенной темнотѣ.

Конецъ Второй Части.